

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Кэтрин Уэбб

НЕЗРИМОЕ,

ИЛИ

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ

КЭТ

МОРЛИ

Кэтрин Уэбб

Незримое, или Тайная жизнь Кэт Морли

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7524363

*Уэбб К. Незримое, или Тайная жизнь Кэт Морли : роман: Азбука, Азбука-Амтикус; С.-Петербург;
2014*

ISBN 978-5-389-08530-5

Аннотация

Кэтрин Уэбб – английская писательница, популярная во всем мире. Ее произведения переведены на двадцать четыре языка. Дебютный роман Уэбб «Наследие» (2010) стал номинантом национальной литературной премии «Писатель года», имел огромный успех и открыл для нее двери лучших издательств. Прежде чем серьезно заняться литературой, Кэтрин работала официанткой, помощницей библиотекаря и продавщицей карнавальных костюмов. Сейчас она живет в тихом коттедже в графстве Беркшир, которое является местом действия ее нового романа «Незримое, или Тайная жизнь Кэт Морли». Книга стала мировым бестселлером. Это история страсти, обмана, преступления и любви. Линии прошлого и настоящего переплетаются в ней в сложном узоре, как и невидимые нити, связывающие судьбы главных героев.

Содержание

Глава первая	5
2011 год	7
1911 год	11
Глава вторая	20
2011 год	20
1911 год	26
Глава третья	45
1911 год	46
2011 год	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Кэтрин Уэбб

Незримое, или Тайная жизнь Кэт Морли

*Рожденье наше – только лишь забвенье;
Душа, что нам дана на срок земной,
До своего на свете пробужденья
Живет в обители иной...*

Уильям Вордсворт. Ода: Отголоски бессмертия. Перевод Григория Кружкова

Разум человека не в силах осознать, к чему приведет истинное доказательство существования на нашей планете народа, не менее многочисленного возможно, чем сам человеческий род, – народа, что неведомо для нас ведет свою чуждую жизнь и отделяется от людей лишь ничтожным различием в вибрациях.

Артур Конан Дойл. Пришествие фей

В каждом растении, в каждом животном он ощущает, кроме физического облика, еще его духовный, исполненный жизни облик.

Рудольф Штейнер. Теософия

Katherine Webb

THE UNSEEN

Copyright © 2011 by Katherine Webb

First published by Orion Books Ltd, London

All rights reserved

© Е. Королева, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Глава первая

14 мая 1911 года

Дорогая Амелия!

Вот и наступило утро этого весеннего, немного волнующего дня, и оно прекрасно. Сегодня приезжает наша новая горничная – Кэт Морли. Должна признаться, я чувствую себя немного не в своей тарелке – такая у нее репутация, – хотя, с другой стороны, не может же она и в самом деле быть настолько ужасной, как о ней говорят. Альберт не хотел брать ее в дом, но мне удалось его убедить, подкрепив свое мнение двойным аргументом: с нашей стороны этот шаг станет похвальным проявлением христианского милосердия, поскольку больше никто ее к себе не возьмет, а кроме того, именно из-за ее репутации мы не можем платить ей, как всем, и посему она сэкономит нам немалые средства. Так что мы удваиваем число прислуги практически при тех же расходах! Я прочла рекомендательное письмо от экономки с Бротон-стрит, от миссис Хеддинггли, где та приводит список домашних работ, которые выполняла у них девушка, а также закликает меня «ради всех нас» не позволять ей читать. Не совсем понимаю, что должно меня испугать, однако считаю разумным последовать совету знающего человека. Кроме того, она, миссис Хеддинггли, рассказала про одну довольно неприятную деталь. Ума не приложу зачем, разве что из любви к сплетням. Речь об отце Кэт, который стал объектом многочисленных домыслов. Вполне возможно, если учесть смуглость кожи и темные волосы Кэт, он был негром. По-видимому, по этой причине на Бротон-стрит прислуга дразнила Кэт Черной Кошкой. Лично я уверена, что мать девушки, каким бы низким ни было ее общественное положение, не опустилась бы до такого позора, если бы не стала жертвой самого омерзительного преступления. И то, что ее бедная дочь вынуждена носить подобное прозвище, вряд ли справедливо. Я твердо решила, что у нас ее так называть не будут.

Признаюсь, несмотря на все опасения, я жду ее прибытия с нетерпением. Не только потому, что у нас под кроватями комья пыли размером с яблоко. Миссис Белл, благослови ее Господь, уже который месяц не может наклоняться, чтобы заглянуть под кровать. Весь дом нуждается в хороших руках. Но, кроме всего прочего, меня несказанно радует возможность принять к себе одно из созданий Божьих, которое сбилось с пути, подойдя слишком близко к краю бездны. У нас эту девушку ждут благочестивый дом, прощение и возможность оправдаться перед Господом через тяжелую работу и праведную жизнь. Я намерена оказывать ей в этом всяческую поддержку, взять под свое крыло, воспитывать – ты только представь себе! У меня есть шанс помочь человеку измениться, встать на правильный путь. Я уверена, девушка поймет, как ей повезло – получить такую возможность спасти свою душу. Она придет к нам запятнанная, но здесь отмоется добела.

И конечно, работа с ней будет для меня идеальной подготовкой к материнству. Ибо в чем же состоит первая забота матери, как не в том, чтобы воспитывать детей благочестивыми, добродетельными и достойными людьми? Я вижу, как ты растишь моих племянницу и племянника, дорогих моему сердцу Элли и Джона, и восхищаюсь твоей мягкостью и терпением. Не огорчайся так из-за рогатки Джона. Я уверена, скоро он перерастет эту страсть к насилию: воинственность мальчиков – в Божьем замысле, они не такие, как девочки, и ничего нет удивительного в том, что мы с тобой не всегда понимаем чувства Джона. Как же и мне хочется растить и воспитывать детские души!

Амелия, прости, что спрашиваю об этом снова, но, боюсь, твое последнее письмо нисколько не прояснило этот вопрос. Не слишком ли ты осторожна в словах, дорогая? Знаю, подобные вещи обсуждать нелегко, и по возможности лучше их не касаться, но мне это очень нужно, и если нельзя обратиться за советом и наставлением к родной сестре, то, бога ради, к

кому тогда обращаться? Альберт образцовый муж, он всегда со мной добр и нежен – каждый вечер он целует мою голову, говоря, какая я хорошая жена и прелестное создание, но потом засыпает, а я лежу, размышляя, что я делаю не так, или чего не делаю, или даже не пробую сделать. Не могла бы ты понятнее объяснить, как следует себя вести и каким образом наши тела могут, как ты говоришь, «соединиться»? Альберт прекрасный муж, и потому остается думать лишь, что это я не исполняю своих супружеских обязанностей должным образом и по этой причине я... скажем так: еще не готова к радостному событию. Прошу, дорогая Амелия, объясни яснее.

В остальном все хорошо. Пора заканчивать письмо. Солнце уже высоко, птицы вовсю распелись, а письмо я опущу в ящик по пути к бедной миссис Дафф, у которой нет моих трудностей, и потому она слегла с какой-то ужасной инфекцией после рождения шестого ребенка, и снова мальчика. После обеда поездом в 3.15 приедет Кэт Морли. Кэт – как это грубо звучит! Надеюсь, она не станет возражать, если я буду звать ее Китти. Напиши как можно скорее, моя самая лучшая и любимая сестра на свете.

С любовью,

твоя Эстер

2011 год

В первый раз Лия увидела человека, которому предстояло изменить ее жизнь, когда он лежал лицом вниз на металлическом столе, не подозревая о ее присутствии. Одежды на нем почти не осталось, а последние нелепые клочья намokли и были скользкими от грязи. Остались нижняя половина брючины и на одном плече часть куртки. Ей стало зябко и немного неловко из-за его наготы. Он лежал, отвернувшись от Лии и прижавшись щекой к столу, так что ей видны были только темные завитки волос и ухо, идеально очерченное и будто восковое. По коже у нее побежали мурашки, и Лия почувствовала себя вуайеристкой. Казалось, он просто спал и мог в любую минуту зашевелиться, повернуть голову и взглянуть на нее, разбуженный звуком ее шагов и ее дыханием над своим безукоризненным ухом.

– Тебя ведь не стошнит, да?

Голос Райана вывел ее из оцепенения. Она сглотнула и покачала головой. Райан ехидно улыбался.

– Кто это? Кем он был? – спросила она, прокашлявшись и нарочито равнодушно складывая руки на груди.

– Если бы мы знали, я не вызвал бы тебя в Бельгию. – Райан беззаботно пожал плечами. На нем был белый халат, как у врача, но старый и в пятнах; он был не застегнут и открывал глазам драные джинсы и потертый кожаный ремень.

– Первый раз видите мертвое тело? – спросил Питер своим спокойным голосом с галльскими интонациями. Питер был деканом археологического отделения.

– Да, – кивнула Лия.

– Это всегда неприятно. Но этот, по крайней мере, не воняет. То есть не так воняет, как мог бы, – сказал он.

Тут Лия поняла, что старается дышать ртом и сдерживает дыхание, ожидая чего-то ужасного. Осторожно задышала носом. Запах от трупа шел сырой, тяжелый, как от мокрых январских листьев или гниющих водорослей.

Она покопалась в сумке, вынула блокнот и ручку.

– Где, вы говорите, его нашли? – спросила она.

– В саду за домом под Зоннебеке, к северо-востоку от Ипра. Некая миссис Бише решила вырыть там могилу для своей собаки... – Райан замолчал, делая вид, будто сверяется со своими пометками. – По кличке Андрэ, если я правильно записал.

Он улыбнулся своей кривоватой улыбкой на одну сторону, от которой внутри у Лии всегда что-то екало. В ответ она лишь подняла бровь. Под лампами дневного света кожа у него была бледная, но он был по-прежнему прекрасен. По-прежнему прекрасен, беспомощно подумала она.

– Копала одну могилу и наткнулась на другую. Она едва не отхватила ему лопатой правую руку. Вот здесь, смотри.

Он осторожно показал пальцем на предплечье мертвеца. Желтовато-коричневая кожа была рассечена, и виднелась коричневая волокнистая, как почва, как перегной, мышца. Лия подавила спазм в горле, голова у нее закружилась.

– Разве им должна заниматься не Комиссия по воинским захоронениям? Зачем было вызывать меня?

– Слишком много погибших солдат – каждый год находят по пятнадцать, двадцать, двадцать пять человек. Мы делаем все, что можем, но, если нет полкового значка, нет жетона, нет в вещмешке каких-нибудь предметов, по которым можно установить личность, нам просто не за что зацепиться, – пояснил Питер.

– Ему обеспечат красивые похороны с красивым белым крестом, только непонятно, какое имя писать на этом кресте, – сказал Райан.

– Красивые похороны? – эхом отозвалась Лия. – Какой же ты легкомысленный, Райан. И всегда был таким.

– Знаю. Я невыносимый, да? – Он снова бодро улыбнулся, всегда готовый обратить серьезное дело в шутку.

– Но... если не за что зацепиться, что я-то, по-вашему, могу сделать? – Лия повернулась с вопросом к Питеру.

– Ну... – начал Питер, однако Райан перебил его:

– Не хочешь ли заглянуть ему в лицо? Он на удивление хорошо сохранился. В той части сада, судя по всему, всегда сыро – там протекает ручей. Он красавчик по всем статьям. Ну давай, ты ведь не испугалась? Это ведь уже археология, да?

– Райан, зачем ты так... – Лия осеклась, не закончив фразы.

Она заправила волосы за уши, сложила на груди руки, словно пытаясь защититься, и перешла к другому концу стола.

Щека у покойника была немного примята, как будто он просто лег поспать, спокойно устроив голову на мягкой земляной подушке. От глазницы ко рту протянулась складка. Над верхней губой, не потерявшей четкости прекрасного изгиба, темнела нитка щетины. Нижняя челюсть и нижняя губа превратились в бесформенную массу, от которой Лия сразу отвела взгляд. Нос тоже расплылся, расплющился, стал мягким, желеобразным. Казалось, если протянуть руку и коснуться его, он развалится. Зато лоб и глаза были в идеальном состоянии. Лоб, на который легла влажная своевольная прядь, был без морщин, то ли оттого, что погибший был молод, то ли оттого, что кожа набухла, напитавшись водой. При жизни он наверняка был красив. Лия увидела его лицо – сместив фокус, не замечая страшных изменений цвета кожи и запаха мертвого тела. Закрытые глаза обрамляли короткие черные ресницы, и каждая была четко очерчена, разделена, аккуратно загнута, как и должно быть. Как и в тот день, когда он – почти сто лет назад – упал за смертью. На веках лежал серебристый налет, как у мяса, пролежавшего слишком долго. Плотны ли они закрыты? Лия склонилась к погибшему, немного нахмурившись. Ей показалось, что глаза у него приоткрыты. Слегка. Самую малость. Так иногда бывает во сне, когда человеку что-то снится. Лия наклонилась ниже, и ее собственное дыхание показалось ей громче жужжания ламп. Вдруг веки дрогнут и глаза откроются? Вдруг на радужке застыло отражение того, что он видел перед смертью? Лия затаила дыхание.

– Бу! – сказал Райан ей в ухо.

Лия подскочила, громко вскрикнув.

– Скотина, – бросила она и вышла в тяжелые двери на шарнирах, злясь на себя за то, что ее так легко испугать.

Быстрым шагом она поднялась на два лестничных пролета и пошла на запах чипсов и кофе, доносившийся из университетского кафетерия. Наливая кофе в бумажный стаканчик, она заметила, как дрожат у нее руки. Лия опустила на пластмассовый стул у окна и окинула взглядом пейзаж. Все плоское, в серых и коричневых тонах – точно как в Англии в тот день, когда она уезжала. Аккуратный рядок ярких крокусов, вытянувшийся вдоль дорожки, лишь подчеркивал окружающую серость. Ее собственное отражение в стекле было бледным: бледная кожа, бледные губы, тусклые светлые волосы. Покойник из подвала и тот выглядел красочнее, печально подумала она. Бельгия. Внезапно ее охватило острое желание оказаться где угодно, лишь бы подальше отсюда. Где-нибудь, где все вокруг залито солнечным светом и жаркое солнце согревает до костей. Какого черта она вообще согласилась приехать? Впрочем, ответ ей был известен. Потому что ее попросил Райан. Он как будто услышал ее мысль, подошел и, хмурясь, сел напротив.

– Послушай, прости меня, ладно? – произнес он покаянно. – Оттого что ты здесь, мне тоже нелегко, ты же понимаешь. Из-за тебя я нервничаю.

– А зачем я здесь, Райан? – спросила Лия.

– Я подумал, у тебя из этого получится отличный материал, честное слово. Пропавший без вести солдат, столько лет пролежавший безымянным и неоплаканным...

– Откуда тебе знать, неоплаканный ли он?

– Тоже верно. Значит, ненайденный. Знаю, ты думаешь, будто я слишком легкомысленно к этому отношусь, но это не так. Погибнуть такой смертью чертовски печально, и я считаю, что этот парень заслуживает того, чтобы его опознали. Разве не так?

Лия посмотрела на него с подозрением, однако он казался искренним. С тех пор как она видела его в последний раз, волосы у него отросли. Они обрамляли лицо вольными рыжеватыми локонами – в тон трех- или четырехдневной щетине на подбородке. Глаза у него были цвета темного меда. Лия старалась в них не всматриваться.

– Почему я? – спросила она.

– А почему нет? – ответил он вопросом на вопрос. – У меня не так уж много знакомых журналистов-фрилансеров. – Он минуту рассматривал свои руки, ковыряя неровный ноготь на большом пальце, кожа вокруг которого и без того была уже ободрана. Рука Лии дрогнула от желания по старой привычке остановить его.

– Это все причины? – твердо спросила она.

Райан нахмурился, коротко, раздраженно вздохнул.

– Нет, не все. Какого ответа ты ждешь от меня, Лия? Что я хотел увидеть тебя? Что ж, вот ты и услышала это, – проговорил он резко.

Лия едва заметно улыбнулась.

– Тебе всегда плохо удавалось выражение чувств на словах. Все равно что пускать кровь камню.

– С тех пор как ты ушла, я не успел исправиться.

– У меня был чертовски весомый повод, чтобы уйти, и ты прекрасно это знаешь, – сказала она.

– Зачем же ты приехала, если я такое чудовище и ты не хочешь меня видеть?

– Я не сказала... – Лия вздохнула. – Сама не знаю, зачем я приехала, – заключила она. – Десять месяцев не могу придумать хорошей темы для статьи. Даже не помню, когда я последний раз писала что-нибудь стоящее. Я подумала, вдруг у тебя действительно есть тема. Но безымянный солдат... Что, по-твоему, я должна тут исследовать? Твою деятельность в Комиссии по воинским захоронениям? Или как выглядят покойники, которых вы выкапываете? Это, конечно, важно, только очень скучно...

– Вообще-то, тут есть одна зацепка, – сказал Райан, потянувшись к ней и снова улыбаясь своей довольной мальчишеской улыбкой.

– Какая? Питер же сказал...

– Я хотел показать внизу, но ты убежала.

– Ну и что же это?

– Поужинай со мной сегодня, и я покажу, – сказал он.

– Почему бы просто не сказать сейчас? – осторожно предложила она.

– За ужином было бы интереснее.

– Нет. Послушай, Райан, я думаю, нам не следует... проводить вместе слишком много времени. Не стоит.

– Да ладно, Лия! Что тут плохого? Мы знакомы достаточно давно...

– Но по-видимому, не так хорошо, как казалось, – ответила она, поднимая глаза. В них было столько гнева, что Райан вздрогнул.

– Давай... давай просто поужинаем сегодня вместе, – проговорил он мягче.

Лия допила остатки остывшего кофе, поморщившись от горького вкуса.

– Пока, Райан. Жаль, но не могу сказать, что рада снова тебя увидеть.

Она поднялась, чтобы уйти.

– Подожди, Лия! Неужели ты не хочешь хотя бы узнать, что мы при нем нашли? Ладно, скажу сейчас, и решай, уйти тебе или остаться. Лия! У него с собой были письма, которые пролежали в земле девяносто пять лет! Представляешь? И это не какие-нибудь обычные письма, – проговорил ей вслед Райан.

Лия остановилась. Вот она, крохотная искорка, проблеск любопытства, который она всегда ощущала, приступая к делу. Лия медленно развернулась и направилась к нему.

1911 год

Кэт настолько зачарована картинами, которые мелькают за окном, что не замечает, как путешествие быстро подходит к концу, чересчур быстро. Прижавшись лбом к стеклу, глядя на меловые небеса, под которыми, словно река, растекаются зеленые размытые поля, она представляет себе, будто это она сама сейчас бежит быстро-быстро или даже летит, как птица. Она знает, что поезд идет на запад, дальше на запад, туда, где она никогда не бывала. Без нее он доедет до Девона, до Корнуолла, до моря. Ей так хочется еще раз увидеть море. При мысли о море ей становится больно. Она видела море всего однажды, когда ей было восемь лет и мать была еще жива, и в тот день они все отправились в Уитстебл. Стоял роскошный летний день, игривый ветерок гнал прозрачные облака, подхватывал ослиные хвосты, отчего хвосты трепыхались, как флаги, и опрокидывал пустые лежаки. Джентльмен купил ей устрицу в раковине, а потом рожок с клубничным мороженым, и ее стошнило на лучшее ее платье. Оно все было испачкано липкой розовой жижой с кусочками устрицы. Но это все равно был самый счастливый день в ее жизни. Она сохранила раковину от устрицы, держала ее много лет в картонной коробке с другими подобными сокровищами.

По мере того как поезд замедляет ход, ощущение полета исчезает, и Кэт чувствует, как снова вырастает в тело, а ноги приклеиваются к земле. Искушение не выходить из вагона очень велико. Можно снова утонуть в мягком сиденье и ехать дальше, дальше, пока сквозь пыльное стекло она снова не увидит море. Но поезд со скрежетом останавливается, и она крепко сжимает кулаки, стискивает их так, что ногти впиваются в ладони. Этим она хотела бы привести себя в чувство, собраться с силами, но ей это не вполне удается. Станция в Тэтчеме маленькая и простая. Кроме Кэт, на перрон выходит еще один пассажир, худощавый усатый хмурый мужчина; возле грузового вагона суета – несколько огромных деревянных ящиков спускают в дрезину. Деревянная ограда почти целиком скрыта высокими зарослями молодой крапивы и буддлеи. Кэт не нравится здесь, но все чувства ее немы, будто их вовсе в ней не осталось после той боли, какую ей пришлось пережить за последние месяцы. В дальнем конце платформы стоит очень толстая женщина. Кэт колеблется, отыскивая глазами кого-нибудь еще, а затем медленно идет к ней.

Женщина в ширину не меньше, чем Кэт в высоту. Глаза заплыли, превратившись в узкие щелки. Подбородки лежат на груди, так что нижняя челюсть плавно перетекает в грудь. Под легким хлопчатобумажным платьем колыхается свисающий до бедер живот. Кэт чувствует на себе острый взгляд серых глаз. И встречает его не дрогнув.

– Вы Софи Белл? – спрашивает она женщину.

Софи Белл. Красивое, звонкое имя. Она представляла себе высокую женщину с мягким лицом, васильковыми глазами и янтарными веснушками.

– Для тебя миссис Белл. А ты, я так понимаю, Кэт Морли? – резко отвечает женщина.

– Да.

– Господи боже, какой от тебя будет прок? – говорит Софи Белл. – Полгода я выпрашивала помощницу по дому и вот получаю это привидение, в чем душа держится; того гляди, к пятнице помрет, – бурчит она, отворачиваясь от Кэт, и трогается с места с поразительной быстротой. Ее колени описывают широкие дуги, ноги тяжело ступают по земле.

Кэт хлопает глазами, хватается за ручки своей большой сумки и спешит следом.

Перед станцией их ждет коляска, запряженная пони. Рессоры гнутся с той стороны, где Софи Белл взгромождается на сиденье рядом с возницей. Кэт смотрит на него, ожидая, что тот возьмет сумку, однако возница лишь бросает на нее быстрый взгляд, а потом снова отворачивается, сосредоточив внимание на автомобиле, черном и блестящем, который стоит у противоположной обочины дороги.

– Не стой столбом! Садись. У меня полно дел, – раздраженно говорит ей миссис Белл. Кэт неловко закидывает сумку на заднее сиденье и забирается следом. Она едва успевает сесть, как возница дергает вожжи и пони рывком сдвигает повозку с места. Пони бежит в ту сторону, откуда только что пришел и где Кэт ждут новая роль и новая жизнь. Что-то внутри нее противится этому так сильно, что горло сжимается и ей становится трудно дышать.

Деревня Коулд-Эшхоулт расположилась примерно в двух милях от Тэтчема. Узкая дорога лежит от станции на юго-восток среди цепи озер в зарослях тростника и заливных лугов, таких по-весеннему ярких, что они кажутся почти ненастоящими. Молодые листочки отливают серебром, когда ветер разворачивает их; в воздухе разлит влажный пьянящий аромат цветов. Их повозка испугивает цаплю, и та поднимается из тростника, слишком с виду медлительная и тяжелая, чтобы летать. Солнце играет в ее блестящем сером оперении, сверкает в бусинах воды, скатывающихся с птичьих ног. Кэт смотрит на нее с изумлением. Она не знает, кто это. Она никогда не видела таких крупных птиц, она вообще почти не видела птиц, если не считать воробьев и грязных лондонских голубей. Она вспоминает канарейку Джентльмена, сидевшую в клетке на маленьких позолоченных качелях, вспомнила, как он насвистывал и напевал вполголоса, чтобы та запела. Она наблюдала за ними с тряпкой в руке и одобряла птицу за молчание.

Миссис Белл тем временем болтает с возницей, говорит едва слышно, делая время от времени коротенькие паузы, когда возница мычит что-то в ответ. Почти все, сказанное ею, теряется за цоканьем конских копыт, однако до Кэт долетают разрозненные слова и фразы.

– Помяни мои слова, она вернется, не успеет кончиться лето... Имел наглость сказать, что все было сделано не так, как надо... Ее сын снова сбежал, и на этот раз с совсем еще девчонкой... С теми, кто выказывает преступные наклонности, разговор короткий...

Кэт бросает на нее быстрый взгляд и встречается с прищуренными, направленными на нее глазами миссис Белл.

Дом викария выстроен из выцветшего красного кирпича, трехэтажный, почти квадратный. Он смотрит на мир симметричными рядами окон в ярких белых наличниках, а в стеклах отражается яркое небо. В саду у дома цветут весенние цветы, маленькие клумбы среди аккуратно подстриженных лужаек пестрят всеми красками. По стенам, обрамляя оконные карнизы, поднимаются глициния и жимолость с еще не раскрывшимися бутонами; высокие тюльпаны маршируют вдоль дорожки до широкой, выкрашенной в ярко-синий цвет входной двери с блестящим медным молотком. Дом стоит на окраине небольшой деревни, и сады переходят в заливные луга. Вдалеке извивается похожая на серебристую ленту река. Возница съезжает с посыпанной гравием дорожки к задней части дома, где покрытые мхом ступеньки ведут к двери более скромного вида.

– Ты будешь входить в дом только через эту дверь, – отрывисто бросает миссис Белл.

– Разумеется, – отвечает Кэт, уязвленная. Неужели эта женщина думает, что она не знает правил?

– А теперь будь внимательна и слушай, что я говорю. У меня нет времени повторять все по двадцать раз, скоро нужно будет готовить чай. Наша хозяйка миссис Кэннинг хочет встретиться с тобой, как только ты приведешь себя в порядок с дороги и переоденешься...

– Переоденусь?

– Да, переоденешься! Или ты собираешься явиться к ней в этой вытертой юбке, в блузке с грязными манжетами и в туфлях с разлохмаченными шнурками?

Взгляд у миссис Белл и впрямь острый.

– У меня есть другая блузка, парадная, и я могу ее надеть, но юбка только одна, – говорит Кэт.

- Ты хочешь сказать, что в Лондоне тебе позволяли расхаживать по дому в таком виде?
– Там у меня была униформа. Я... Мне пришлось ее оставить, когда я уезжала.

Миссис Белл упирается руками в те места, где у нее, предположительно, были бедра. Кэт смотрит ей в глаза, не давая себя запугать. Костяшки пальцев у пожилой женщины красные, с потрескавшейся кожей. Они входят, проваливаются в ее телеса. Ступни, давным-давно сплюсненные под тяжестью ее веса, смотрят внутрь. Жир нависает на лодыжках, как оплывшее тесто. Кэт стискивает перед собой руки, с облегчением чувствуя твердость своих костей.

– Что ж, – наконец произносит миссис Белл, – это уж пусть хозяйка решает, обеспечивать ли тебя одеждой. Если нет, тебе придется самой о ней позаботиться. Тебе потребуется серое или коричневое платье на утро, черное для вечера и еще одно, в котором можно ходить в церковь. Через неделю в Тэтчеме будет распродажа подержанной одежды. Возможно, там ты найдешь что-нибудь, что можно перешить.

Комната Кэт в чердачном этаже. Здесь три комнаты, расположенные в ряд, их маленькие мансардные окна обращены на север, а двери выходят в светлый, сориентированный на юг коридор. Как будто бы архитектор счел, что в коридоре дневной свет нужнее, чем в комнатах прислуги. Кэт ставит сумку в изножье кровати и оглядывает свое новое жилище. Простые беленые стены, узкая железная кровать, над ней латунное распятие, Библия на плетеном стуле, умывальник, ветхие занавески. Тесный шкаф для одежды, на кровати лежит свернутое лоскутное одеяло. Кэт быстрыми шагами пересекает комнату, снимает со стены распятие и запикивает его под кровать, с глаз долой. С мелодичным звоном оно ударяется о ночной горшок. Пальцы Кэт будто обожгло в тех местах, где они коснулись металлических лапок креста. В смятении вытирая руки о юбку, она закрывает глаза, подавляя воспоминания о точно таком же предмете, о равнодушном к ее страданиям Иисусе, сурово взиравшем на нее с высокой стены. Потом стоит у окна, глядя на лужайку и на раскинувшееся за ней поле с пасущимися рыжими коровами. Какое обширное пустынное пространство. Она вспоминает своих друзей в Лондоне, Тэсс с ее живыми зелеными глазами, вечно чем-нибудь взволнованную. От этого воспоминания ей становится больно. У нее нет адреса, куда можно написать, она понятия не имеет, что случилось с Тэсс. Возможно, Тэсс повезло с новым местом меньше, чем ей. «Мне повезло», – с горечью говорит себе Кэт. В последнее время ей часто это повторяют.

За спиной у нее хлопает от сквозняка дверь. Кэт холодеет. Она стоит прямо, словно аршин проглотила, и старается дышать, хотя воздух вдруг становится слишком густым. «Никто меня не запер, – говорит она себе. – Это просто захлопнулась дверь». Никто не запер. Она медленно разворачивается к двери, напряженная, в ожидании чего-то страшного. Стены маленькой комнаты надвигаются на нее, стискивают, как мокрая одежда. Колени трясутся, как у старухи, когда она делает шаг к двери, уверенная, что не сможет повернуть ручку. Металлическая ручка дрожит у нее в руке, поворачивается, и, приоткрыв дверь на несколько дюймов, Кэт осознает, что ручка дрожала потому, что трясется ее рука. Сердце стучит в ушах, и она прислоняется щекой к щербатой двери, дожидаясь, пока нервы не успокоятся. «Никогда больше, – думает она. – Никогда, никогда, никогда».

Эстер устраивается в передней гостиной за письменным столом орехового дерева и открывает перед собой книгу расходов. Она привыкла встречать здесь миссис Белл, когда та приходит раз в неделю, чтобы обсудить меню и счета, договориться о времени прочистки печных труб, доставке бакалеи и вызове мастера для починки велосипеда. Ей кажется, будто так она создает нужное впечатление: женственная, но деловитая, требовательная, но дружелюбная. Послеобеденное солнце разливается желтыми лужицами на дубовом паркете, и в

его свете лениво танцуют пылинки и мухи. Эстер раздраженно отмахивается от подлетевшего насекомого. Мохнатые тельца мух кажутся ей непристойными, она терпеть не может, когда они высыхают и затвердевают после смерти, лежат между оконными рамами, скрепив щетинистые лапки, будто в ожидании последнего причастия. Она безгранично рада, что теперь ей не придется выметать их своими руками. Миссис Белл нелегко справляться и с уборкой дома, и в кухне, и, видит бог, от нее вряд ли можно ожидать расторопности. Вот если бы миссис Белл не была такой толстой. Протестующее взвизгивание половиц выдает ее приближение, после того как она покидает полуподвальный этаж, где полы из тяжелых каменных плит; глядя на нее, язык не поворачивается назвать это приятным зрелищем. Разумеется, женщине следует быть дородной и тело ее должно состоять из округлостей, а не из острых углов, однако фигура должна сохраняться. Попытки миссис Белл удержать свои расплывающиеся контуры корсетом оказались несостоятельными. Несколько лет назад она пыталась его носить, но он лишь перетягивал тело выше и ниже пояса так, что она с трудом могла сесть или повернуть голову. Смотреть на это, как и отвести взгляд, было невозможно.

Эстер слышит ее шаги – слышит, как скрипят половицы, когда миссис Белл выходит из кухни. Эстер выпрямляется в кресле, и на лице у нее начинает играть мягкая, вежливая улыбка. На мгновение ее пугает мысль, что она выглядит менее выигранно, чем прежний столичный хозяин Кэт Морли. Но потом она вспоминает, кто эта девушка, и успокаивается, немного стыдясь своих волнений, когда ее задача по-матерински наставлять и воспитывать.

– Новая горничная, мадам, – объявляет миссис Белл, коротко постучав.

– Благодарю вас, миссис Белл. Входите, Кэт, – с теплотой в голосе произносит Эстер, и в следующий миг ее охватывает сомнение.

Кэт Морли выглядит едва ли не ребенком. На мгновение Эстер решает, что произошла какая-то ошибка. Ростом девушка не выше пяти футов, хрупкая, легкая. Плечи узкие, руки и ступни крохотные. Волосы, действительно почти черные, коротко острижены. Из-за этой стрижки уши торчат совершенно неженственно. Челка зачесана назад и заколота, отчего Кэт еще больше похожа на школьницу. Но когда она подходит ближе к письменному столу, Эстер понимает, что никакой ошибки нет. Лицо у нее узкое, подбородок остренький, но под глазами залегли тени, а между бровями – морщинка, свидетельствующая о некотором жизненном опыте. Карие глаза смотрят на Эстер спокойно, и Эстер чувствует себя неловко, почти смущаясь. Она ждет, пока экономка не выйдет из комнаты; по ее поджатым губам Эстер тут же понимает, что та думает о новой прислуге.

– Что ж, – произносит Эстер немного взволнованно. – Что ж, садитесь, Кэт.

Девушка опускается на краешек резного стула по другую сторону стола, у нее такой вид, будто в любое мгновение может улететь.

– Я очень рада, что ваше путешествие прошло благополучно.

Эстер мысленно репетировала речь, которую собиралась сказать девушке, чтобы та почувствовала себя непринужденно и поняла, в каком добром, спокойном и благочестивом доме оказалась, однако теперь все слова разбежались из-за ее нелепого волнения, Эстер никак не удается их вспомнить.

– Я уверена, вы будете здесь счастливы, – делает она попытку.

Кэт моргает, и, хотя лицо у нее остается неподвижным и она ничего не говорит, Эстер отчетливо ощущает, что девушка ей не верит.

– Боже мой! Никогда не видела такой прически, как у вас! Теперь так носят в Лондоне? Я настолько отстала от жизни? – торопливо говорит Эстер.

Волосы Эстер – ее главное украшение. Они легкие, пышные, мягкие и каждое утро послушно укладываются в высокую прическу, как будто сами знают, что нужно делать.

– Нет, мадам, – спокойно отвечает Кэт, не отводя взгляда. – У меня всю жизнь были длинные волосы. Мне пришлось их остричь после моего... моего заточения. Я набралась там вшей.

– О-о-о! Вшей! Какой ужас! – восклицает испуганная Эстер.

Она невольно поднимает руку, как будто желая защитить волосы, и откидывается назад.

– Уверяю вас, их не осталось, – говорит Кэт, и на губах у нее мелькает тень улыбки.

– Что ж, это хорошо. Да. Очень хорошо. Я уверена, что миссис Белл рассказала вам о ваших обязанностях. Прошу вас, во всем, что касается работы, слушайте ее. Вставать вам придется в половину седьмого, чтобы в семь приступить к работе, но вы наверняка будете не первой из тех, кто уже встал, – мой муж обожает природу и прогулки, которые обычно предпринимает на рассвете. К тому времени как вы спуститесь, его, скорее всего, уже не будет дома, но не пугайтесь, если повстречаетесь с ним в такую рань. Перед прогулкой он не завтракает. Ваши свободные часы – с трех до пяти пополудни, за исключением чая, при условии, что все ваши обязанности исполнены и миссис Белл довольна. – Эстер делает паузу и поднимает глаза на Кэт Морли. Неподвижный взгляд Кэт нервирует ее. В этих темных глазах таится что-то такое, с чем Эстер не доводилось сталкиваться, что она не может понять. Ускользящая тень чего-то странного, неизвестного.

– Да, мадам, – отвечает наконец Кэт почти безучастным тоном.

– Кэт... Ваше полное имя Кэтрин, не так ли? Вы не против, если я буду называть вас Китти? Как вам новое имя для новой жизни? Мне кажется, оно вам подходит. – Эстер улыбается.

– Меня все звали Кэт, а не Китти, – говорит Кэт, озадаченная.

– Да, понимаю. Но не кажется ли вам, что Китти звучит лучше? Я имею в виду, что вместе с прежним именем вы могли бы оставить в прошлом все свои прежние беды. Вы меня понимаете? – поясняет Эстер.

Кэт как будто обдумывает ее слова, и ее взгляд делается жестким.

– Меня всегда звали Кэт, – твердо говорит она.

– Что ж, как хотите! – восклицает Эстер в растерянности. – Нет ли у вас вопросов, которые вы желали бы мне задать?

– Я только хотела сказать, мадам, что мне нельзя носить корсет. Доктор сказал, что после моей болезни нельзя сдавливать грудь.

– Вот как? Какая неприятность. Разумеется, вы должны думать в первую очередь о здоровье, пусть кому-то это и покажется неподобающим. Но вы ведь поправитесь? Как вы считаете, в будущем вы сможете носить корсет?

– Не знаю, – отвечает Кэт.

– Ладно, посмотрим. Кэт, я хочу, чтобы вы знали... – Эстер колеблется. Почему-то слова, которые она приготовила, кажутся едва ли не глупыми теперь, когда она смотрит девушке в лицо. – Я хочу сказать, что в этом доме никто не будет обвинять вас. За ваши... прошлые грехи. В этом доме у вас есть шанс начать все заново и вести чистую, благочестивую жизнь. Мы с мужем всегда считали, что милосердие, величайшая из добродетелей, начинается с дома. Я надеюсь, вы убедитесь в справедливости наших взглядов. – И снова эта приводящая в замешательство пауза, это неподвижное лицо. Легкая дрожь проходит по спине Эстер, по голове бегут противные мурашки – как если бы она нашла в складках занавески у себя в спальне черного паука.

– Благодарю вас, мадам, – говорит Кэт.

Когда Кэт Морли выходит и идет вниз, чтобы помочь миссис Белл приготовить все для чая, Эстер чувствует облегчение. Девушка странная, и вид у нее такой, будто ее мысли

заняты чем-то другим, возможно какими-нибудь противоестественными желаниями. Эстер убеждает себя, что такого не может быть, однако ей никак не удается отделаться от своего ощущения. Кэт не опускает глаз, как ей положено. То есть не как ей положено, а как можно было бы от нее ожидать. Она настолько маленькая и слабенькая, что легко представить себе, как она пугается малейшего пустяка. Эстер берет свою корзинку для вышивания, вынимает пальцы, на которые она только вчера натянула ткань, готовясь приступить к новой работе. На минуту задумывается, потом улыбается. Подарок для девушки, которая настаивает на том, чтобы ее называли Кэт. Что может послужить лучшим доказательством добрых намерений хозяйки? Она роется в корзинке, подбирая нитки: зеленые, синие и шафранно-желтые. Свежие краски для свежего времени года. Эстер весело мурлычет себе под нос, принимаясь за новый рисунок, и, когда Кэт Морли вносит чайный поднос, она добросердечно благодарит ее, стараясь не замечать, как у Кэт напряжены руки.

– Похоже, ты не слишком разговорчивая, – замечает миссис Белл, когда Кэт заканчивает вытирать чайную посуду и вешает полотенце сушиться над плитой. Экономка стоит сомкнув колени, но расставив ступни, опираясь своей обширной спиной на тяжелый кухонный стол и наблюдая за каждым движением Кэт. Кухня находится в полуподвальном этаже, из грязных окон видны только небо и верхушки деревьев.

– Говорю, когда есть что сказать, – пожимает плечами Кэт.

Миссис Белл хмыкает:

– По мне, уж лучше так, чем трещать без умолку весь день напролет. – Миссис Белл снова рассматривает Кэт. – Ты говоришь не по-лондонски. Я слышала лондонцев. К нам приезжают торговцы, расхваливают товар и все такое.

– У моей матери была очень правильная речь. Джентльмен брал в прислуги тех, кто говорил грамотно, – натянуто отвечает Кэт.

Она не хочет говорить о своей матери. Не хочет говорить о Лондоне, о прошлом. Миссис Белл снова хмыкает:

– Не очень-то задирай нос, ты здесь, а не там. Ты теперь в самом низу лестницы, девочка моя, и стоит мне сказать слово, как ты отправишься собирать вещи.

– Очень любезно с вашей стороны сказать об этом, – угрюмо бормочет Кэт.

– Не дерзите мне, мисс. – Миссис Белл умолкает, будто соображая, то ли она сказала. – Готовить умеешь?

– Иногда я помогала готовить еду для прислуги. Но для хозяйского стола не готовила.

– Овощи сумеешь приготовить? Знаешь, как замесить тесто?

– Нет.

Кэт качает головой и тянет руку за спину, чтобы развязать фартук.

– Не так быстро! Какая умная! Ощиплешь к ужину четырех голубей, найдешь их в холодной кладовке.

Кэт снова завязывает фартук и разворачивается, чтобы выйти.

– Только иди с ними во двор, не то потом неделю будешь гонять перья по всему дому! – кричит ей вслед Софи Белл.

Двор – небольшое пространство слева от дома, обнесенное высокой кирпичной стеной и мощенное тем же красным кирпичом. Предвечернее солнце согревает макушку Кэт, пока она работает, окруженная нежными зелеными стеблями сорняков, проросших из трещин между кирпичами. «Вокруг жизнь, а мы словно мертвые», – думает Кэт, пока ее пальцы щиплют мягкие птичьи перья, выдерживая их из обмякшей кожи. Она всегда ненавидела звук, с каким перья отрываются от птичьей тушки, и старалась избегать таких поручений. В Лондоне прислуги было много, и роли были четко разделены. Только в крайнем случае горничной могли приказывать ощипать к ужину птицу. Для этого у них были кухарки. Была

Тэсс. С жирными пятнами на фартуке, с потемневшими от картофельной кожуры ногтями, с улыбчивым лицом, вечно испачканным мукой. Запах у мертвых птиц мерзкий, сладковатый, головы у них болтаются туда-сюда, пока Кэт трудится, сухая кожа потрескалась вокруг клювов. Кэт вспоминает засохшую кровь на губах Тэсс, кровь на деснах, на зубах. Вспоминает, что такой же отвратительный запах шел от пятен, засохших на грубом платье. Ей хочется закурить.

Ближе к пяти дребезжание спиц сообщает о возвращении преподобного Альберта Кэннинга. Эстер откладывает вышивание и выходит в коридор, чтобы его встретить. Он открывает дверь в тот момент, когда часы бьют пять, и улыбается жене, которая принимает у него шляпу и сумку; сам снимает пальто и тяжелый бинокль. Альберт высокий и стройный, у него светлые волосы, мягкие и пушистые, только-только начавшие редеть на макушке, что несколько его не старит, а, напротив, подчеркивает молодость. Щеки разругались, потому что он ехал на велосипеде от самого города; в широко раскрытых голубых глазах то выражение невинности, которое сразу покорило сердце Эстер; кожа нежная и гладкая. Одна рука застревает в рукаве пальто, и Эстер пытается помочь ему, но ей мешает его тяжелая кожаная сумка на ремне. Они несколько мгновений сражаются с одеждой, переглядываются и смеются.

– Как прошел день, Берти? – спрашивает Эстер, снова опускаясь в кресло.

– Очень хорошо, спасибо, Этти. Удалось навестить всех, кто просил меня зайти, и так или иначе помочь по мелочи почти всем, а по дороге домой я видел роскошную бабочку, павлиний глаз, – первую в этом году.

– Поймал? – спрашивает Эстер.

У Альберта в сумке есть прекрасный шелковый сачок и морилка на случай встречи с редким экземпляром.

– Нет, я подумал, что это будет несколько несправедливо, ведь весна только началась. Кроме того, павлиний глаз не назовешь редкостью, – говорит Альберт, наклоняясь, чтобы снять с брюк велосипедные зажимы. Потом вынимает из сумки дневник и начинает его листать своим длинным пальцем.

– Верно, – соглашается Эстер.

– А как ты, моя дорогая? Что нового?

– Боюсь, нам по-прежнему придется отправлять белье к прачке.

– Да? А как же новая горничная, разве она не может стирать? – спрашивает Альберт, глядя поверх своего дневника.

В рододендронах за окном дрозд разливается звонкой песней.

– По-моему, нет. Она такая маленькая и... Нет, я сомневаюсь, что она справится. Кроме того, она нездорова.

– О господи! Ладно, как скажешь, дорогая.

Эстер внимательно рассматривает мужа и не находит в нем ни единого изъяна. Он носит длинные бакенбарды, которые будто обхватывают его лицо нежными ладонями. Эстер всегда считала подобное украшение слишком строгим для такого молодого лица – она знает, что Альберт отрастил бакенбарды, чтобы выглядеть более серьезным за кафедрой. В солнечном свете бакенбарды кажутся золотистыми, но в дождь становятся почти темными. Альберт чувствует ее взгляд и улыбается.

– Что такое, дорогая? – спрашивает он.

– Я просто думала, за какого красивого мужчину я вышла замуж, – со смущением отвечает Эстер. – Уже почти год прошел с тех пор.

Альберт берет ее за руку. Он сидит в своей обычной позе, скрестив ноги, отчего брюки немного задираются и она видит над носками полоску белой кожи. Почему-то от этого он кажется ей беззащитным.

– Кто настоящий счастливчик, так это я, – говорит он.

Эстер улыбается и слегка краснеет.

– Я сегодня заходила к миссис Дафф, – говорит она.

– И как она?

– Получше. Я отнесла ей лимонного ликера, бедняжке он так нравится.

– Очень мило с твоей стороны, дорогая.

– Ее новорожденный сын чудесный малыш и совсем не кричал, когда я взяла его на руки. Наоборот, он с таким спокойным интересом рассматривал меня! Как будто все время обдумывал какие-то ужасно важные мысли обо мне и делал серьезные выводы, – смеется Эстер.

– Уверен, в таком возрасте это невозможно, – замечает Альберт.

– Нет, конечно же нет, – соглашается Эстер.

Альберт снова обращается к дневнику. Она выжидает немного, сердце от волнения вдруг начинает колотиться едва ли не в горле. Потом она собирается с духом.

– Как я жду того дня, когда у нас будет собственный сын! Или дочка. Я знаю, что из тебя получится самый чудесный отец на свете, – говорит она живо и выжидающе смотрит на мужа.

Он не отвечает, и она чувствует, как кровь приливает к ее щекам. Альберт по-прежнему смотрит в свой дневник, однако Эстер видит, что муж хмурится, а его рука не двигается. Прижатое к бумаге перо останавливается, не закончив слова, и с кончика стекает чернильная капля. Негромко кашлянув, Альберт наконец поднимает голову. Он слабо улыбается, однако избегает ее взгляда и ничего не отвечает.

Ночью Кэт лежит без сна. Тонкий матрас весь в буграх, конский волос колется сквозь вытертую ткань. Чтобы дверь не закрывалась до конца, она подперла ее Библией, лежавшей у кровати. Ей нравится, что священная книга валяется на полу вот так, как какой-нибудь мешок с песком. Слова в ней столь же безжизненны, сколь и тяжелы. Сквозь щель в двери проникает лунный свет, холодный, спокойный. Кэт лежит неподвижно, слушая, как храпит миссис Белл в своей комнате в конце коридора. Вдох – выдох, вдох – выдох. Она слышит бульканье в горле у экономки. Кэт осторожно делает глубокий вдох. «Вот он». До сих пор здесь, на самом дне ее легких, небольшой сырой пузырь, который никак не хочет высохнуть. Кэт выдыхает, стараясь не закашляться. Этот чертов тюремный кашель – все ночи напролет из каждой камеры, потому что легкие поражены, отравлены сыростью, спорами грибов, горькой микстурой доктора. Она проводит большими пальцами по тиковому чехлу, считая колючие щетинки, по одной в секунду, – ночные часы тикают, уходя, а ее глаза до сих пор открыты. Кэт не помнит уже то время, когда она могла просто лечь и заснуть. Безмятежно отказаться от контроля, от власти. Теперь это невозможно. Теперь подобный отказ для нее подобен смерти, как будто даже воздух в комнате нельзя доверять, как будто сами стены набросятся на нее, если она закроет глаза, и тени оживут и поглотят ее.

В другой комнате, этажом ниже, Эстер почти в полной темноте рассматривает силуэт Альберта. Он лежит на спине, глаза его закрыты, а лицо нарочито спокойно. Эстер догадывается – он еще не спит. Красота его лица обезоруживает ее. Эта впадина между лбом и носом, легкая припухлость нижней губы. Глядя в его лицо, она чувствует, как внутри у нее что-то натягивается, словно какой-то нерв напряжен и ему необходимо расслабиться. Она

протягивает к мужу руку, сплетает пальцы с его пальцами, лежащими на груди. Вот оно, едва уловимое изменение в ритме его дыхания, едва уловимое напряжение в его теле.

– Берти, ты не спишь, любимый? – шепчет она.

Он не отвечает. «Когда он сжимает тебя в объятиях, целует тебя, когда он видит твою любовь и страсть, тогда и в нем поднимается желание и тогда тела ваши могут соединиться» – так писала ей сестра. Эстер чувствует, как под ночной рубашкой напрягается ее тело, касаясь хлопковой ткани, освобожденное от корсета, который стискивал его целый день. Ее волосы спадают на плечи мягкой, ласковой волной.

– Как же мне хочется, чтобы ты обнял меня, – произносит Эстер, и ее голос немного дрожит.

Альберт не открывает глаз, но говорит:

– Сегодня был долгий день, любимая. Я ужасно устал.

Эстер часто слышит от мужа эти слова. Она слышала их и в первую брачную ночь.

– Да, конечно. Спи, дорогой Берти, – говорит она.

Глава вторая

2011 год

Лия прочитала письмо солдата, и между бровями у нее залегла морщинка. Райан протянул руку, разгладил морщинку большим пальцем, отчего Лия вздрогнула.

– Не трогай! – выдохнула она, дергая головой.

– Недотрога, – вздохнул Райан.

Он улыбнулся, откидываясь назад, однако Лия заметила, что он раздосадован. Она на мгновение ощутила радость победы и тут же рассердилась на себя.

– Это не оригинал? – спросила Лия.

– Разумеется, нет, это копия. Бумага оригинала слишком хрупкая. Там, куда попала вода – а воды попало совсем немного, потому что он как следует потрудился, запечатывая жестянку, – конверт испорчен. Иными словами, имени в письме нет. Имени нашего таинственного солдата.

– Она обращается к нему «дорогой сэр». Не слишком информативно, – проворчала Лия.

– Если бы она обращалась к нему иначе, ты бы мне не потребовалась.

Лия подняла глаза.

– Интригует, правда? – спросил Райан.

– Правда, – согласилась она. – Как он запечатал жестянку?

– Похоже, свечным воском. Растопил и аккуратно залил по всему периметру.

– Это просто? Он запечатывал письмо каждый день или читал всего раз?

– Кто знает? Думаю, это кропотливая работа, и, скорее всего, она отняла много времени. Сомневаюсь, что он бы стал открывать и запечатывать коробку каждый день. – Райан пожал плечами.

– Значит, это письмо какое-то особенное?

– По-моему, да. Прочти вслух, я хочу послушать еще раз, – сказал он.

Дом викария,

Коулд-Эихоулт

Дорогой сэр!

Даже не знаю, с чего начать, поскольку я послала так много писем, но получила так мало ответов. Я говорю «так мало», хотя следовало бы сказать «ни одного». Не могу себе представить, где Вы сейчас, могу лишь догадываться (но сомневаюсь в этом), что положение Ваше хуже того, в котором Вы пребывали здесь. Мысль о том, что Вы постоянно подвергаетесь смертельной опасности, Вы и ваши товарищи, ужасает меня. Прошу, берегите себя, если мое слово имеет хоть какой-то смысл на поле боя. Я лишь недавно узнала о Вашем отъезде на фронт, да и то случайно, – знакомая упомянула мимоходом о переброске в зону боевых действий таких людей, как Вы. Знаю, мы с Вами расстались при весьма странных обстоятельствах и время, проведенное вместе, было не самым простым, и, хотя Вы не ответили ни на одно из моих писем, пока оставались в относительной близости от меня, мне все равно горько сознавать, что теперь Вы не в Англии.

Так о чем же я могу написать? О чем еще не писала раньше? Не знаю. Я живу в страхе. Живу в неведении и страданиях, и Вы моя единственная надежда выбраться из этой западни. Но Вы не можете или не хотите мне помочь, не хотите нарушить молчания. Что я могу? Я всего лишь женщина. Звучит жалко, но у меня нет ни сил, ни смелости что-нибудь изменить. Я попала в ловушку. Должно быть, мои слова вызовут у Вас презрение, ведь Вы столько

пережили с момента нашего расставания и вынуждены были терпеть то, чего я не могу даже вообразить.

Мой сын прекрасно развивается. Хотя бы это хорошая новость, которую я могу сообщить. Он прекрасно развивается. Ему скоро исполнится три года – как быстро бежит время! Прошло уже почти четыре темных года, и Томас – единственный луч света в этом мраке. Он носится по дому и саду как заведенный. Для своего возраста он маловат ростом, как мне говорят, но ноги и тело у него крепкие, у него прекрасное телосложение. До сих пор у него не было никаких серьезных инфекций и детских болезней. У него каштановые, слегка выющиеся волосы и карие глаза. Светло-карие глаза. Я не стригу ему волосы, потому что мне так нравится расчесывать их! Сестра говорит, что он уже слишком взрослый для таких длинных волос, люди будут принимать его за девочку, но я пока хочу оставить так. Он начал считать, с лету запоминает стишки и песенки, очень смысленный – более смысленный, чем я. Надеюсь, вести о Томасе Вас порадуют.

Не могу придумать, о чем еще написать. Все стало таким странным и мрачным с того лета. Мне хочется во всем разобраться, но в следующий миг я понимаю, что, если мои подозрения подтвердятся, я побоюсь что-либо предпринять. Побоюсь и дальше оставаться в доме, а куда мне тогда идти? Меня, конечно, могла бы на какое-то время приютить сестра. Но не смогу же я гостить у нее вечно, у них с мужем четверо детей, для нас с Томасом просто нет места. Прошу Вас, напишите мне. Расскажите обо всем, что произошло в то лето, – заклинаю Вас! Даже если Вам кажется, что ответы меня не успокоят, я должна знать. Жить в страхе и подозрениях невыносимо, а я живу так вот уже четыре года. Я писала Вам, что нашла в то утро в библиотеке. Какие вещи я нашла. Я уверена, что писала Вам об этом, хотя тогда мой разум был в смятении. Все это было как страшный сон. Когда в последующие дни я просыпалась, то в первое мгновение ощущала себя счастливой, но затем вспоминала все, и казалось, что даже солнце становится более тусклым. И то, что я спрятала свои находки, не делает ли меня соучастницей преступления? Боюсь, что делает, но я уверена: лишь единицы поступили бы иначе. Может быть, это неправда. Может быть, я слаба, напугана и лишена силы духа. Но как тогда быть с Вами и Вашим молчанием? Напишите мне, умоляю. Не оставляйте меня наедине с догадками и тайнами, вынуждая изо дня в день ходить по собственным следам.

С наилучшими пожеланиями,

Э. Кэннинг

Они сидели в ресторанчике в деревне под названием Ватау, до которой было довольно далеко от Поперинге, где остановилась Лия и жил Райан. «Оно того стоит», – сказал он, отвечая на ее вопросительный взгляд, когда они выезжали из городка. И он оказался прав. Еда была восхитительная, в тихом зальчике раздавался лишь ровный гул голосов постоянных посетителей, приезжающих сюда на ужин. За окном дождь поливал пустынную дорогу, булькал в затопленных водостоках, дробил, разбрасывая по стеклу, свет уличных фонарей.

– Неужели ты не тоскуешь по лету? – вздохнула Лия, глядя на все это.

– Я люблю такую погоду, разве ты забыла? Люблю темные месяцы, – ответил Райан, подливая красного вина в ее бокал.

– Верно. Забыла.

– Уже забываешь меня.

Райан покачал головой. Лия ничего не сказала. Они оба знали, что это невозможно. Забыть. Она посмотрела на него, на его лицо, освещенное светом свечи на столике между ними. Что же в ней сидит такого, что тянет ее к нему? Что-то неумолимое, как сила притяжения. Было бы гораздо проще поддаться ей, точно так же как было бы проще поддаться

и упасть со скалы, чем вскарабкаться обратно на твердую землю, сказала она себе. Гораздо проще. Вино согревало кровь, она чувствовала, что щеки пылают.

– Ты, похоже, немного набралась, – насмешливо заметил Райан.

Он улыбался, дружелюбие и нежность смягчили его слова, заслонили плохие воспоминания.

– А ты разве не этого добивался? – спросила Лия.

Райан помотал головой:

– Ты всегда сама знаешь, чего хочешь. Я никогда не полагался на алкоголь, чтобы изменить твое мнение в свою пользу.

– Лжец. – Она улыбнулась, Райан широко усмехнулся:

– Я правда рад тебя видеть, Лия. Кажется, я еще не успел тебе об этом сказать. – Он протянул руку, играя с каплями воска, стекающими по свече, и немного нахмурился, как будто погруженный в глубокие и тревожные размышления.

«Угу, эта игра всегда тебе удавалась», – подумала Лия. Всегда удавалось заставить ее приблизиться, заставить посмотреть внимательнее.

– Я не собираюсь спать с тобой, – сказала она решительно, более резко, чем хотела.

Райан отдернул руку от свечи, как будто обжегшись.

– Не помню, чтобы просил тебя об этом, – отозвался он вроде бы невозмутимо.

Они разговаривали, пока тарелки не опустели, тогда они заказали десерт, однако чем больше они говорили, тем очевиднее становилось, что есть темы, на которые они не могут говорить, и за столом повисло молчание, странное и неловкое.

– Интересно, почему он сберег это письмо? Она говорит, что написала ему много писем до того, как он уехал на континент. Чем же это такое особенное? В конце концов, это же не любовное письмо, – проговорила наконец Лия.

Официант принес десерт, профитроли, политые глянцевым бельгийским шоколадом. Официант эффектным жестом опустил на стол креманки, развернул каждую, касаясь кончиками пальцев, как будто бы их правильное положение было делом первостепенной важности. Лия перехватила его взгляд и мимолетно улыбнулась.

– По-моему, наш гарсон на тебя запал, – сказал Райан.

– По-моему, ты выдумываешь. Ты всегда выдумывал.

– За исключением Турции.

– Ладно, Турцию я тебе уступлю. Только на турок произвела впечатление не я, а голубые глаза и светлые волосы.

– Я мог бы там разбогатеть. Один из них предложил мне за тебя дом, – усмехнулся Райан.

– Я не твоя, чтобы ты мог меня продавать, – резко возразила она. – К тому же ему было не больше шестнадцати. Скорее всего, он еще жил с мамочкой.

– Оно было не единственное, – сказал Райан, отправляя в рот профитроль, отчего рот перестал закрываться. Лия невольно засмеялась.

– Ты свинтус! У тебя на подбородке шоколад. Что не единственное?

Райан долго жевал, прежде чем ответить:

– Письмо в солдатской жестянке не единственное. Было еще одно.

– Правда? Почему же ты не принес его? Что в нем сказано?

– Оно гораздо короче того, которое я тебе уже показал. И очевидно, написано раньше; насколько я понимаю, сразу после того непонятного случая. Письмо довольно сбивчивое, – пояснил он.

– Ну и где же оно? – спросила Лия, опуская мизинец в горячий соус и облизывая его. Только с Райаном она позволяла подобные детские выходки. Как легко вернуться к прежним привычкам и к прежним чувствам.

– У меня дома, – спокойно произнес Райан.

*Дом викария,
Коулд-Эйхоулт
Дорогой сэр!*

Ребенок появится на свет со дня на день, и меня переполняют страхи. Как же я смогу это сделать? Вы понимаете, о чем я говорю, я уверена, что понимаете. С тем же успехом я могла бы остаться в доме одна, окруженная только призраками. Понимаете ли Вы, что Вы наделали? Одна часть меня хочет, чтобы я никогда не знала Вас. Иногда это бульшая часть. Я поймала себя на том, что пытаюсь сейчас представить себе Вас, пытаюсь представить себе, какой Вы без вашей обычной одежды, без Ваших книг и улыбки. Без всех этих деталей, из которых складывается Ваш образ, Ваша «божественная суть». Что с ними теперь? Все забыты, как и я?

Все пошло прахом. Я даже разлюбила свою работу и не могу больше учить детей с прежней радостью, потому что, когда я стою перед ними, я знаю, что у меня под ногами. Я же рассказывала Вам, что я сделала? Я почти не помню. Я думала, это будет только временное хранилище, место, где никому не придет в голову искать. Пытаясь найти то, что я уже нашла, подняла с пола в библиотеке в то утро. Между прочим, я собиралась все уничтожить. Все, до последней вещицы, но подумала, вдруг в один прекрасный день это потребуется Вам, чтобы доказать, чтобы оправдаться... Поэтому все лежит тут, под полом. Когда я осмеливаюсь подумать об этих вещах, не говоря уже о том, чтобы прикоснуться к ним или перепрятать, у меня в душе поднимается буря страха, от которого я слабею и дрожу.

Полагаю, у меня будет мальчик, причем крупный. Меня с трудом можно узнать, так я расплылась. Это создание захватило мое тело. Он теперь слишком большой даже для того, чтобы двигаться и толкаться, как он делал это в последние несколько месяцев. Он наполнил меня, как воздух в шарике. Как бы мне хотелось, чтобы он там и остался! Не знаю, где найду силы, чтобы воспитывать его с легким сердцем, радостно и беззаботно, когда он родится среди мрачных теней. Но хватит на сегодня. Я устала. Даже такой труд, как написание письма, меня утомляет, в особенности письма Вам, сэр, когда я уже знаю, что ответа не получу. Но я все равно надеюсь на него, и это утомляет еще сильнее.

Пусть это письмо доставит Вам хоть какое-то утешение в том страшном месте, куда Вы попали.

Э. Кэннинг

Лия прочла письмо еще раз и еще. Она прочла его трижды, потому что не осмеливалась поднять глаза на Райана, поднять глаза и заговорить. Ну почему вечно все заканчивается одним и тем же? Мысленно она сыпала проклятиями. Это обволакивающее чувство, пробирающее до костей, как будто ее решимость является веществом, которое может растаять под давлением, растечься по телу вместе с током крови и исчезнуть. Райан даже не стоял рядом с ней. Он сидел на подоконнике напротив, а она – на краю кровати, придерживая одной рукой падавшую прядь волос, пока читала. Он поднялся так внезапно, что она вздрогнула.

– Еще кофе? – предложил он таким обыденным тоном, что Лия усомнилась в себе, усомнилась, что он испытывает те же чувства, что и она.

– Нет, спасибо. – Она не поднимала глаз.

– Похоже, что у нее были большие неприятности, правда? – спросил он, заливая кипятком новую порцию растворимых гранул. – Какой вывод ты можешь сделать?

– Не знаю. Произошло что-то нехорошее. Ее бросили одну разбираться с последствиями, наш герой куда-то слинял, а потом началась война. Ей кажется, что она знает кое-что о том, что случилось, – сказала Лия.

Она наконец посмотрела на него. Он стоял, повернувшись к ней спиной, поэтому смотреть на него было неопасно. Гибкая спина, широкий разворот плеч под рубашкой. Всего лишь мышцы, кожа и кости, такие же как у нее, но во всем его теле была какая-то магия.

– Как по-твоему, они были любовниками? – уточнил он.

– Вряд ли. Она не стала бы называть любовника «дорогой сэр». Пусть даже и сто лет назад. Уж слишком холодно и официально.

– Чего не скажешь о самом письме, да? Я имею в виду, оно не холодное и не официальное, – сказал Райан.

Он уселся рядом с ней, слишком близко, так что коснулся ее ноги, бедра, локтя. Лия ощутила, как внутри что-то оборвалось, как проснулась старая боль. Она была странная, почти приятная, как будто раскачиваешь шатающийся зуб или трогаешь синяк. Синяк, который до сих пор ноет. Лия вспомнила его предательство, когда разлетелось на части все, что, как ей казалось, она знала.

– И да и нет. Очень странное. Создается впечатление, будто она старается ясно все изложить, однако из текста невозможно понять, что она хочет сказать. Она выражается так туманно, как будто знает, что письма попадут в чужие руки, кто-то посторонний прочитает их, и потому не хочет выдавать слишком много... – Лия замолчала.

Райан заправил ей за ухо прядь волос, и его пальцы скользнули по ее щеке легко, словно снежинки. Она молча посмотрела ему в глаза.

– Значит, ты займешься этим делом? Постараешься выяснить, кто он такой? – спросил Райан. Лия кивнула. – Просто как в старые добрые времена: я стою наблюдаю, как тебя захватывает сюжет. Какой... неожиданный приз.

– О чем это ты? Неужели ты думал, что я не заинтересуюсь?

– Нет. Я думал, ты нарочно откажешься от этого дела, потому что это я попросил. – Он улыбнулся.

– Я подумывала об этом, – призналась Лия. – Я... отчасти приехала сюда ради возможности сказать тебе «нет». Отказать тебе в чем-то. – У нее на глаза навернулись слезы, и она сердито вытерла их.

– Ты не справилась с первым же препятствием, – проговорил он тихо. – Ты приехала сюда сразу же, когда я тебя попросил.

– Знаю. Я что, не слишком сильный противник?

– Не знаю. Ты же заставила меня ждать пять месяцев, прежде чем я увидел тебя. Ты заставила меня отправиться в Бельгию в попытке тебя забыть.

– Вранье. Ты всегда хотел уехать и работать в Комиссии по воинским захоронениям, – сказала она, силясь найти какую-нибудь опору, какой-нибудь выступ, за который можно ухватиться, потому что она все дальше и дальше сползала с края скалы.

– Лия, я так по тебе скучал, – прошептал Райан, дотрагиваясь губами до ее волос; его слова коснулись ее словно крылья бабочек.

И Лия молча сдалась.

Ее разбудил шум дождя, да еще с градом, барабанившим по оконной раме. В маленькой комнате было темно и сумрачно, в кровати тесно. Райан лежал, повернувшись к стене, спиной к ней, и крепко спал. Стараясь не шевелиться, Лия оглядела комнату, заметила, где лежат ее вещи, разбросанные накануне. Секунду она искала способ исправить то, что было сделано, и поняла, насколько это тщетно. Лия закрыла глаза и позволила отчаянию завла-

деть ею – все равно как оказаться под землей, задыхаться, не находя выхода. «Я никогда не освобожусь».

Но в следующий миг на красно-черном фоне перед закрытыми глазами выплыли строки из писем женщины по фамилии Кэннинг. «Все пошло прахом. Я собиралась все уничтожить... лежит тут под полом... он родится среди мрачных теней».

Здесь есть что искать, есть какая-то тайна, смысл. Нужно не просто установить личность погибшего солдата, но узнать, что же привело в такое отчаяние эту женщину, что так напугало ее. И почему человек, которому она писала, ни разу ей не ответил, почему он сохранил при себе только эти два письма, почему она считала, что в один прекрасный день ему придется что-то доказывать.

Словно спасательный круг, за который можно ухватиться, разрозненные нити этой истории протянулись к Лии. Если сосредоточиться, если собрать волю в кулак, она сможет их связать. Первым делом ей необходимо уехать. Не будя Райана, не разговаривая с ним, не прощаясь, – наплевать, что его запах остался у нее в волосах, на пальцах, на губах, словно следы наркотика, который помогает жить, одновременно убивая. Она неслышно поднялась, оделась, взяла с пола копии писем, сложила и убрала в сумочку. На постель она не посмотрела, записки не оставила. Когда Лия выходила, ей показалось, что она уловила краем глаза какой-то блеск, как будто луч света мелькнул между подушками и простыней. Как будто глаза у Райана были открыты, когда она выскальзывала из комнаты.

1911 год

По утрам в доме прохладно и тихо, он залит ярким солнечным светом, в котором сверкает каждая пылинка, паря в неподвижном воздухе и медленно опускаясь на мебель. Когда Кэт чистит каминные или ковры, пыль вокруг поднимается клубами, чтобы тут же осесть и через мгновение снова подняться в воздух под щеткой. Она рада, что Эстер в этот час спит и не видит, насколько тщетны попытки избавиться от пыли. Люди здесь насквозь пропылились. Дома пропылились. Кэт снова и снова обтирает пальцы о фартук – ей неприятна мысль о том, что пыль прилипает к ее коже. Она убирает комнаты на первом этаже и накрывает стол к завтраку раньше, чем спускается Эстер. Иногда ее зовут наверх, чтобы она помогла Эстер одеться. Затем, когда викарий возвращается с утренней прогулки, они с Эстер садятся завтракать, а Кэт идет наверх, собирает грязное белье, штопает, застилает кровати, убирает в спальне и ванной, в коридоре наверху. Проветривает комнаты для гостей, хотя еще не видела в доме ни одного гостя: открывает ставни в комнатах, куда никогда никто не заглядывает, затем, когда солнце клонится к вечеру, снова их закрывает. Она гоняется за мухами, хлопает мухобойкой, а когда они поднимаются слишком высоко, наблюдает за ними, с надеждой думая, что они все равно умрут.

Кэт глохнет от тишины. В Лондоне всегда стоял гул, неумолчный гул большого города, даже на их уважаемой Бротон-стрит. Утром, когда она открывала ставни, ее встречало гудение жизни. Цокали запряженные в кебы лошади, стальные лошадиные подковы высекали искры из булыжников мостовых, по которым ступали их костлявые жилистые ноги; проезжали автомобили, и моторы у них тяжело дышали, словно загнанные собаки. Мальчишки на велосипедах, тележки с товарами, грохот тяжелых подвод. Голоса прохожих тоже вливались в общий хор. Можно было разглядывать людей, проходивших мимо, следить за модой. Теперь же, когда Кэт открывает ставни, ее приветствует зеленый пейзаж, раскинувшийся на три стороны от дома, без всяких следов человеческого присутствия. Небо широкое и высокое, а из звуков слышно лишь птичье пение. Иногда проедет телега, иногда залает собака. Это лишает ее энергии, но Кэт не в силах противиться, она ловит себя на том, что нарочно мешкает, задерживается у окна, которое должна мыть, взгляд ее смягчается, устремляясь в эту новую, тихую даль. Ее телу необходимы эти минуты отдыха, каких у нее никогда не было раньше. Она работает с двенадцати лет, она привыкла к работе. Но Холлоуэй¹ сделал ее слабой, колени у нее дрожат, стоит лишь подняться из полуподвального этажа на чердак.

Завтракают они с миссис Белл в кухне за деревянным столом. Стул экономки угрожающе поскрипывает под ней, полностью скрытый ее телесами. Видны только тощие деревянные ножки, шатающиеся под ее грузом. Однажды, думает Кэт, они подломятся. И она не сможет удержаться от смеха, глядя, как это случится. Она мысленно проигрывает эту сценку: миссис Белл барахтается на полу, словно упавший на спину жук, и не может встать.

– Над чем это ты потешаешься? – с подозрением спрашивает миссис Белл.

– Представила себе, как вы будете кататься по полу, если стул сломается, – чистосердечно отвечает Кэт.

– Вот нахалка! – восклицает миссис Белл, пристально глядя на нее широко раскрытыми глазами, однако не находит что ответить, и Кэт, похихикав, возвращается к своей овсянке.

Теперь, чтобы поесть, Кэт приходится сосредотачиваться странным образом. Сосредотачиваться на том, чтобы не замечать, что она делает. Если она ощущает запах, структуру пищи – наступает краткий миг удушья при глотании... Тогда ею овладевает паника, и есть невозможно.

¹ Холлоуэй – женская тюрьма в Лондоне. – Здесь и далее примеч. ред.

– Я все думаю, за что тебя посадили? – произносит наконец миссис Белл. – Не иначе как за наглость, когда ты в очередной раз не смогла прикусить язык! И кому же ты в тот раз надерзила? – спрашивает она, стараясь придать голосу злости, но не в силах скрыть любопытства.

Однако Кэт не может ответить. При упоминании о тюрьме ее горло сжимается, и ложке каши некуда деться. Она чувствует, как овсянка поднимается, липнет к стенкам горла. Она бежит к раковине, кашляет и извергает ее из себя.

– Господи спаси! Да что с тобой такое? – восклицает миссис Белл, и ее щеки идут красными пятнами. – Неудивительно, что ты как воробей! Хозяйка об этом узнает.

– Если я буду меньше есть, она сможет здорово сэкономить, – выдыхает Кэт, утирая подбородок тыльной стороной ладони.

Миссис Белл возмущенно фыркает, когда Кэт возвращается за стол и отодвигает от себя миску с овсянкой.

– Не переводи зря еду! Отдай мне, – говорит миссис Белл и зачерпывает из миски своей ложкой. Она снова щурится на Кэт. – Что это за значок ты носишь? – Миссис Белл нацеливает палец на маленький кругляшок из серебра с эмалью, приколотый к воротнику Кэт.

– Моя медаль за Холлоуэй. Друзья вручили мне ее в знак того, что я пострадала за общее дело, – говорит Кэт, и ее пальцы тянутся вверх, чтобы коснуться медали.

– Не думаю, что этим стоит гордиться, – колко произносит экономка.

– Вы заблуждаетесь.

– В любом случае нечего так выставлять ее напоказ. Носи под одеждой, если тебе охота, но чтобы я ее больше не видела, – отрезает миссис Белл, резко мотнув подбородком.

Кэт сердится, однако делает так, как было приказано.

Кэт вызывают в гостиную после обеда, когда она поднимается к себе, чтобы немного отдохнуть. Руки у нее красные и сморщенные от мыльной пены; ногти, успевшие отрасти за неделю до переезда сюда, снова обломаны. Жена викария одета в белое муслиновое платье с рюшками по вороту, на манжетах и по подолу. В талии ее перетягивает корсет, но она все равно широкая и какая-то мягкая. Ее грудь вздымается над китовым усом, выпирает в стороны, к подмышкам. И лицо у нее такое же: широкое, мягкое, располагающее. Руки, напротив, маленькие и тонкие, пальчики с блестящими розовыми ногтями. Ножки крохотные. В туфлях на высоких каблуках она похожа на волчок.

– А-а-а, Кэт! – Эстер улыбается. – Хотела узнать, не будете ли вы так любезны отнести это на почту и отправить? Спасибо, деточка. И может быть, захватите к чаю несколько мадленок? На Бродвее есть великолепная кондитерская. Миссис Белл это не одобрит, но, поскольку она не в силах теперь замесить тесто, у меня нет выбора! – Эстер произносит эти слова с легким смешком.

Кэт берет письмо и предложенные Эстер монеты, возмущенная до глубины души, что женщина, которая старше ее всего на несколько лет, называет ее «деточкой».

– Слушаюсь, мадам, – произносит она спокойно.

Лицо у Эстер несколько омрачается. Кэт замечает, что взгляд хозяйки скользит мимо нее, к письму. Как будто она боится смотреть в глаза новой служанке.

– Вы же знаете дорогу до Тэтчема? – спрашивает Эстер.

– Нет, мадам, – признается Кэт. Она и не подумала спросить. Она была бы счастлива отправиться из дому куда глаза глядят.

– Ну, в такой ясный денек, как сегодня, лучше пойти по дорожке, которая начинается от дома, – она идет вверх, но там есть ступеньки, – потом перейдете реку по пешеходному мосту и пойдете дальше по тропинке до канала, что займет минут десять. У канала повернете налево и пройдете две мили по бечевнику, и вот вы в Тэтчеме. Городок прелестный. Пожа-

луйста, не спешите, погуляйте там, осмотритесь немного. Хорошо, если вы будете знать, где находится мясная лавка, бакалея и прочее, – говорит Эстер.

При мысли о прогулке сердце у Кэт трепещет.

– Благодарю вас, мадам, – произносит она уже с бульшим чувством, и улыбка у Эстер делается шире.

Кэт с легкостью поднимается по лесенке над живой изгородью и спускается в поле, она без корсета, ничто не сковывает ее движений. Она перешагивает через коровьи лепешки, рассматривает необычную для нее землю под ногами. Кэт никогда еще не ходила по траве так долго, не ходила по неутоптанной земле. У них в саду в Лондоне тоже была лужайка, но слугам не полагалось гулять по лужайке. Джентльмен особенно подчеркивал это: ходить нужно только по дорожкам, аккуратно вымощенным плиткой или посыпанным гравием, обсаженным кустами самшита. А здесь и высокая косматая трава, и другие растения, каких она никогда не видела. Полевые цветы. Крохотные синенькие, оттенка летнего неба; пурпурные; желтые; белые, будто длинные облачка. Названий она не знает. Кэт ощущает, как тепло яркого солнечного дня проникает в кожу, изгоняя застоявшийся холод тюремной камеры. Она несет письмо Эстер и деньги на пирожные в кошельке на шнурке, который ей, ворча, одолжила миссис Белл. Она размахивает кошельком, машет им взад и вперед, крутит, заставляя со свистом рассекать воздух. Худая черноволосая девушка идет по извилистой дорожке через луг.

Канал оказался широкой полосой лениво текущей мутной воды, где по берегам растут плакучие ивы. На противоположном берегу над водой склоняются молодые ветки бузины, сплошь усыпанные цветками с едким запахом. Тучи комаров вьются над водой и, как только она подходит ближе, всем роем устремляются к Кэт, впиваются в лицо и руки. Кэт доходит до бечевника и смотрит направо. Эта дорога тянется до самого Лондона. Она могла бы пойти по ней, так и шла бы, пока не стерла бы ноги в кровь. Сколько времени это займет? Она понятия не имеет. И что она будет делать, когда окажется там? Дома у нее больше нет. Зато она могла бы найти Тэсс. Могла бы удостовериться, что с Тэсс все в порядке, могла бы привезти ее сюда. В это чужое место, где все так зелено, спокойно, так не похоже на Лондон. Но Кэт поворачивает налево и идет уже медленнее, отбиваясь от комаров и обходя кучки навоза, оставленные лошадьми, которые тянут баржи.

Впереди появляются строения. Склады, лодочные мастерские. Она проходит мимо двух шлюзов; зачарованная, наблюдает, как через один из них проходит лодка. Когда вода, пенясь, просачивается через пропитанные водой балки, снизу облаком поднимается запах сырости и гнили. Ветерок морщит поверхность воды, отчего кажется, будто она течет. Кэт поднимает палку, чтобы в порядке опыта проверить, так ли это. Она бросает ее в воду, но в этот миг шнурок кошелька соскальзывает с запястья и летит следом.

– Да чтоб тебя! – бормочет она, озираясь.

Берега канала крутые, и вода кажется глубокой. Неподалеку стоит какое-то длинное широкое судно, и, хотя на нем никого нет, Кэт не решается ступить на борт. Она оглядывается по сторонам, поднимает отломанную кленовую ветку и тянется к кошельку, который – какое счастье! – не тонет. Кэт старается сохранить равновесие, старается держать ветку ровно, подцепляет шнурок кошелька и тянет к себе. Сначала это ей удается, но в следующий миг она теряет равновесие, и ей приходится бросить ветку, чтобы не упасть самой. Кошелек тихонько плавает по кругу. Кэт сползает по берегу, неустойчиво сидя на корточках, и тянет к кошельку пальцы. Ей не хватает каких-то двух дюймов. Два дюйма, не больше, но, как она ни старается, достать кошелек не может.

– Ах ты, грязный выблядок! – кричит она, рассерженно поднимаясь.

Сзади раздается смех, Кэт вздрагивает, отступает на шаг и спотыкается.

– Осторожнее, мисс. Вы же не хотите упасть в воду, – произносит незнакомец.

Он по пояс высунулся из палубного люка баржи, пришвартованной к берегу. У Кэт возникает ощущение чего-то золотисто-коричневого, теплого. Обветренная кожа оттенка выскобленных досок на палубе, жесткие волосы, вылинявшая одежда.

– Вы кто? – спрашивает она с подозрением.

– Джордж Хобсон. Но что гораздо важнее, я владелец захватного крюка, на случай, если вам понадобится.

– Что такое захватный крюк и с чего бы он мне понадобился? – резко спрашивает Кэт, чувствуя, что над ней потешаются.

– Вот эта штуковина. И я выловлю для вас сумочку, если скажете, как вас зовут, – предлагает ей мужчина, поднимая с палубы зловещего вида металлический крючок, закрепленный на длинном шесте.

Кэт хмуро глядит на него и с минуту размышляет, затем говорит:

– Ладно, скажу. Я – Кэт Морли. Выловите кошелек, пока там письмо не размокло.

Мужчина выбирается из люка, садится на корточки на краю палубы и цепляет им кошелек, с которого льет ручьями вода. Слегка встряхивает его, аккуратно сматывает шнурок на ладони и выжимает. Ладони у него как лопаты – широкие, квадратные; костяшки пальцев сбиты и покрыты шрамами. Он спрыгивает на берег и приближается к Кэт, а она расправляет плечи и смотрит на него сверху вниз, хотя не достает ему даже до плеча. Он к тому же в два раза шире в плечах, чем она, – крепкий, как древесный ствол.

– Я принял вас за паренька в длинной рубашке, пока вы не заговорили, – произносит он.

– Благодарю вас, сэр, – саркастически отзывается Кэт.

– Да нет, я не хочу вас обидеть. Просто здешние девушки – а я по выговору слышу, что вы не из здешних, – носят длинные волосы, – поясняет он.

Кэт ничего не отвечает. Она протягивает руку за кошелек и, когда он не отдает, скрещивает руки на груди и спокойно на него смотрит.

– Кроме того, никогда не слышал, чтобы какая-нибудь из местных девушек ругалась так, как вы, мисс. Да, никогда такого не слышал, – смеется он.

– Верните, пожалуйста, кошелек, – говорит Кэт.

– Пожалуйста. – Джордж кивает, передавая ей вещицу.

Кэт раскрывает его, вытряхивая воду, водоросли, монеты и письмо, которое она поспешно вытирает о свою юбку.

– Черт возьми! Адрес почти невозможно разобрать. Чернила совсем размылись, – бурчит она себе под нос. – Может, еще не все потеряно, я могла бы надписать его сверху, если бы кто-нибудь одолжил мне ручку. Как по-вашему, это еще можно прочесть? Вы сможете разобрать имя? – спрашивает она, показывая конверт Джорджу Хобсону.

Великан краснеет и, хмурясь, смотрит на письмо с крайне озадаченным видом.

– Не могу сказать, мисс Морли, – бормочет он.

– Что, совсем испорчено? – спрашивает она.

Джордж пожимает одним плечом, уклоняясь от ответа, и Кэт понимает, в чем дело.

– Вы не умеете читать? – спрашивает она с недоверием.

Джордж отдает ей письмо, снова пожимает плечами и хмурится, глядя на Кэт.

– На барже нечасто приходится читать, – говорит он. – Желаю вам хорошего дня.

Он разворачивается к своему судну, делает один широкий, уверенный шаг и оказывается на борту.

– Ах вот как! Вам, значит, можно надо мной смеяться, а мне над вами нельзя, так? – говорит с берега Кэт.

Джордж останавливается, слегка улыбается.

– Вот тут вы меня уели, мисс Морли, – признает он.

– Меня зовут Кэт, – говорит она. – Никто не называет меня мисс Морли, кроме... – Она умолкает. Кроме полицейских, которые схватили ее, кроме судьи, который вынес приговор. – Никто.

– Вы ведь будете приходить в город, Кэт?

– Думаю, время от времени.

– Буду ждать вас. Мне по душе ваш острый язычок.

Он улыбается. Кэт смотрит на него, склонив голову набок. Ей нравятся искорки в его глазах, нравится, что он смутился, как школьник. Быстро улыбнувшись, она идет дальше в городок. Выйдя из почты, она покупает мадленки, которые несет с осторожностью: они до сих пор теплые и липкие, от бумажного свертка исходит аромат ванили. Кэт покупает себе сигареты и номер «Голосуй за женщин» за пенни. Она спрячет его под юбку, когда вернется, чтобы тайком пронести в комнату и прочесть в свободное время.

В четверг Эстер и Альберт сидят за столом и ужинают бараньими отбивными. За окном сгущается вечер; сменив птиц, летучие мыши кружат над лужайкой. Кэт прислуживает: переходит от одного конца стола к другому с суповой миской, затем с блюдом мяса, затем – овощей. В Лондоне она обычно была безмолвной и невидимой, за столом присутствие слуг не замечалось. Но когда она кладет что-нибудь на тарелку Эстер, та улыбается и мягко благодарит. Кэт поначалу вздрагивала при этом и не знала, как себя вести. Теперь она каждый раз тихо бормочет: «Мадам», и голос ее шелестит, будто эхо Эстер. Альберт словно ничего не замечает, он ест с рассеянным, отстраненным видом, лишь время от времени хмурясь, улыбаясь или недоверчиво приподнимая бровь. Он поглощен какими-то своими мыслями, а Эстер смотрит на него с обожанием, ловя отражение этих мыслей на его лице.

– Какая тема вечерней лекции, милый? – спрашивает Эстер, когда Кэт отходит. – Альберт? – зовет она, потому что он не отвечает.

– Прошу прощения, дорогая?

– Сегодняшняя лекция. Я спросила, о чем она будет.

В Ньюбери раз или два в неделю читают лекции, и Альберт старается их не пропускать, в особенности если они касаются вопросов философии, биологии или религии.

– Э... должна быть очень интересная лекция. Называется «Духи природы и их место в религии мудрости». Лектор – восходящая звезда в теософических кругах, кажется Дюрран. Он из Рединга, если я правильно помню.

– Духи природы? Что бы это значило? – говорит озадаченная Эстер. Она не спрашивает, что такое «теософические», поскольку боится, что не сможет правильно повторить слово.

– А вот именно это, дорогая Этти, я и собираюсь выяснить, – говорит Альберт.

– Он что, имеет в виду домовых? – Она негромко смеется, но тут же умолкает, потому что Альберт слегка хмурится.

– Не стоит смеяться над тем, чего мы не понимаем, Этти. Разве существа из детских сказок и мифов не имеют прототипов в реальности?

– Да, конечно, я не хотела...

– В конце концов, все мы знаем, что у человека имеется душа. А что есть призраки, как не лишённые тела человеческие души? Никто же не будет, в самом деле, спорить с многочисленными доказательствами их существования?

– Конечно, Берти, – соглашается Эстер.

– Существует гипотеза, что и у растений есть своего рода духи-хранители, которые заботятся о них, направляют их рост, следят за размножением, – продолжает Альберт.

– Конечно, я понимаю, – говорит Эстер, теперь уже совершенно серьезно.

Они на мгновение умолкают, слышно только, как они жуют и как звякают вилки.

– Ты идешь к миссис Эвери играть в бридж? В котором часу мне тебя ждать? – спрашивает Альберт через какое-то время.

– О, думаю, я вернусь раньше тебя, милый. Мы будем играть самое позднее до десяти, – поспешно отвечает Эстер, зная, что Альберт не одобряет игру в бридж, и желая как можно быстрее закрыть эту тему.

– Миссис Данторп тоже придет? – спокойно спрашивает Альберт и неодобрительно поднимает бровь, что всегда огорчает Эстер.

– Я... я не знаю, Альберт. Сомневаюсь. В прошлый раз ее не было...

– Она в самом деле не та...

– Я знаю, дорогой, знаю. Но даже если она и придет, уверяю тебя, мы будем играть на спички, ничего более, – убеждает его Эстер.

Страсть миссис Данторп к азартным играм известна всем. За рождественские праздники она просадила в покер столько, что ее мужу пришлось продать лошадь.

– Меня тревожит не только это...

– О, не беспокойся, Берти! В конце концов, репутация у миссис Эвери безупречна, и я надеюсь, ты хоть немного доверишься мне.

– Конечно доверяю, дорогая Эстер. – Альберт улыбается. – Я знаю, что душа твоя чиста.

Предательский румянец заливает лицо и шею Эстер.

На самом деле она же не солгала, убеждает себя Эстер, пока машет Альберту, уезжающему на велосипеде. Ему предстоит проехать две мили до Тэтчема, чтобы там сесть в поезд до Ньюбери, где будет лекция. Когда викарий скрывается из виду, она набрасывает легкое пальто, Кэт подает ей булавки, и Эстер прикалывает шляпу, поправляет прическу.

– Я вернусь к половине одиннадцатого. Чашка какао была бы весьма кстати, – весело произносит Эстер.

– Хорошо, мадам, – бормочет Кэт.

Эстер отмечает черные круги у нее под глазами и то, что она до сих пор, хотя с ее приезда прошло немало времени, нисколько не поправилась. Ступая по садовой дорожке, Эстер мысленно обещает себе поговорить об этом с Софи Белл. Она замечает, что с севера надвигаются сердитые багрово-черные тучи, словно громадные зловещие деревья, выросшие на линии горизонта. Эстер поворачивает обратно за зонтиком.

Ее мысли возвращаются к Альберту. Эстер понимает, что Альберт недолгобливает миссис Данторп не столько из-за ее пристрастия к азартным играм, хотя это, конечно, уже само по себе плохо, сколько из-за того, что она медиум и не единожды во время их игры в бридж проводила свои сеансы. И сколько бы Эстер ни говорила себе, что не может знать этого наверняка, факт остается фактом: в предыдущее воскресенье, когда она разговаривала со своей подругой Клер Хиггинс, та весьма недвусмысленно намекнула, что сегодня снова будет сеанс. Эстер охватывает трепет предвкушения.

Дом у миссис Эвери самый большой в деревне, прекрасно обставленный, каким и должен быть дом богатой вдовы. Ее муж много вложил в железные дороги, успел увидеть, как его деньги выросли десятикратно, а потом погиб из-за того самого изобретения, которое сделало его богачом: однажды поздним вечером его кеб, пересекавший пути, был сбит проходившим поездом. Кебмен уснул на передке, а его пассажир, судя по всему, был мертвецки пьян. Миссис Эвери достался весь его капитал со скукой в придачу, и вдова сделалась центром светской жизни деревни и даже всех окрестностей Тэтчема – разумеется, если аристократическая публика не входила в число гостей миссис Эвери. Теперь она тратит уйму времени на визиты к друзьям и родным в Лондоне и всегда в курсе последних веяний моды; на Эстер она наводит самый настоящий страх. Однако жене викария не подобает бояться мис-

сис Эвери, и Эстер прилагает все усилия, чтобы поддерживать с ней хорошие отношения. В те вечера, когда появляется миссис Данторп, это не тяжкий труд.

Миссис Данторп грузная, с большим бюстом. У нее поблекшие каштановые волосы и вылинявшие голубые глаза. Ей под пятьдесят, и разбогатела она довольно поздно, настолько поздно, что так и не смогла избавиться от гнусавого тэтчемского выговора, как ни старалась. Если бы не ее удивительные способности, она наверняка не стала бы частой гостьей в доме миссис Эвери. Но благодаря им она гордо восседает в обитом шелком кресле, пока прибывают другие гости, каждая из которых приветствует ее если и не с таким же почтением, как хозяйку, то с большим энтузиазмом.

– Миссис Данторп... я так надеялась вас сегодня увидеть! Вы опять усадите нас в круг? Мы услышим что-нибудь от духов? – спрашивает миниатюрная Эсме Буллингтон, и ее голосок звучит лишь немногим громче шуршания камыша, когда она пожимает руки пожилой леди.

Миссис Данторп загадочно улыбается.

– Ну, моя дорогая, это зависит только от желания нашей обворожительной хозяйки. Если она согласится и если на то будет воля всех собравшихся, конечно, я могу предпринять попытку заглянуть в невидимый мир, – отвечает она достаточно громко, чтобы слышали все, и миссис Эвери сердится.

– Может быть, хотя бы подождем, пока все не соберутся, и выпьем по стаканчику шерри? – предлагает миссис Эвери весьма холодно.

Миссис Данторп как будто вовсе не замечает укора, зато Эсме Буллингтон, покраснев, отходит от медиума.

Эстер вежливо обходит всех собравшихся в комнате, прежде чем подойти к своей близкой подруге Клер Хиггинс, жене одного из зажиточных фермеров Коулд-Эшхоулта. Всего собралось тринадцать дам: старательно подобранное число. Они потягивают шерри из хрустальных бокалов, и уже скоро лица у них под слоем светлой пудры раздумываются, смех становится искренней, и кажется, что свет в комнате дрожит, заставляя ярче блестеть атласные ленты, кожу и глаза. Нарастающее оживление подобно низкому гулу: невозможно точно указать его источник и невозможно не замечать его. Наконец миссис Эвери, которая ценит хорошие манеры превыше всего, решает, что они должным образом пообщались, и тогда она, прокашлявшись, говорит:

– Миссис Данторп, как ваше настроение? Не хотите ли предпринять попытку связаться с духами?

Гости разом замолкают и внимательно наблюдают за миссис Данторп, пока та как будто обдумывает вопрос.

– По-моему, вечер сегодня будет удачный, – произносит она наконец, и в ответ раздается взволнованный гул голосов и радостный возглас Эсме Буллингтон.

С серьезными лицами они спешат к большому круглому столу в дальнем конце комнаты, вокруг которого расставлены тринадцать кресел, обтянутых красным плюшем. Миссис Данторп приглашает всех сесть поближе и, оперевшись локтями в стол, взяться за руки. Эстер сжимает одной рукой крошечные пальчики Эсме Буллингтон, а другой – сухую, морщинистую ладонь старой миссис Шип. Пока они болтали и выпивали, за окнами поднялся ветер, и его судорожные порывы похожи на чей-то далекий шепот. Из-за этого ветра ветки глицинии, с уже набухшими почками, царапают оконное стекло, и всем кажется, будто кто-то стучится к ним. Поскольку день стоял теплый, занавески отдернуты и рама немного поднята, чтобы в комнату шел свежий воздух. Но теперь похолодало, и сквозняк леденит своим прикосновением. Еще не до конца стемнело, однако за отражениями в оконном стекле видно только темное серое небо, испещренное облаками, да кривые ветки старой мушмулы в саду. Эстер невольно вздрагивает и чувствует, как у Эсме напряглась рука.

Служанка гасит лампы и зажигает одну свечу, которую ставит в центре стола, и выходит, не поднимая глаз. Яркое пламя свечи отражается в драгоценных камнях на пальцах миссис Эвери, на ее шее и в ушах. Альберт не одобрил бы такой роскоши на обычной дамской вечеринке. Эстер подавляет приступ раскаяния. В ее сегодняшнем времяпрепровождении Альберт вообще мало бы что одобрил, однако для нее эти собрания имеют невыразимую притягательность. Над столом повисает тишина, дамы перестают ерзать и шуршать юбками и замирают на своих местах. Эстер делает глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– Попрошу вас всех направить свои мысли к миру духов и отвлечься от всего, что вы видите и чувствуете, – начинает миссис Данторп. На ней яркая изумрудно-зеленая шаль, отливающая, как крыло скворца. – Закройте глаза, чтобы вас ничто не отвлекало, и сосредоточьтесь. Мысленно посылайте приглашение, приветствуйте тех путников на дорогах незримого мира, которые могут услышать вас и одарить своим присутствием.

Ее голос становится более глубоким и звучным. Эстер так взволнована ожиданием, что ей трудно усидеть на месте, она приоткрывает один глаз и оглядывает стол. Вокруг нее лица приятельниц с закрытыми глазами, и на каждом лице написана мольба и смирение. Миссис Данторп сидит, запрокинув голову, ее губы беззвучно шевелятся.

– Среди нас есть кто-то, кто нарушает энергетический поток, – резко произносит медиум.

Эстер виновато вздрагивает и косится на нее, однако глаза миссис Данторп по-прежнему закрыты.

– Круг мыслей должен быть замкнут, иначе к нам никто не придет, – продолжает она раздраженно.

Эстер поспешно зажмуривается и старается сосредоточиться.

Наступает долгая, ничем не нарушаемая тишина. Только прерывистое дыхание, только тихий стон ветра. Эстер чувствует, как Эсме рядом с ней напряжена, будто готова сорваться с места, словно испуганный олень.

– Не хочешь ли ты приблизиться? Я почти слышу тебя, – шепчет миссис Данторп едва слышно.

Эстер сосредотачивается изо всех сил. Она представляет себе мир духов как огромную и тяжелую черную дверь, за которой бушует море душ, заплутавших или растерянных, которые пока не нашли дорогу в рай или в ад. Пока миссис Данторп говорит, она воображает, как призрачные пальцы касаются этой двери и толкают, каждый раз приоткрывая ее чуть шире, подчиняясь призывающему их голосу и позволяя живым на мгновение увидеть холодное внеземное царство, сокрытое за этой дверью. Ее сердце колотится так громко, что она опасается, как бы этот стук не услышали другие; давление на виски все усиливается, будто невидимые руки сжимают ей голову. Эсме перестала дрожать, ее рука сделалась вялой, словно дохлая рыба, и почти такой же холодной. От этого у Эстер по коже бегут мурашки, однако она не смеет открыть глаза или повернуть голову, чтобы посмотреть. Что, если они подошли слишком близко к черной двери и уже сами коснулись мира духов? Что, если маленькой Эсме больше нет и на ее месте сидит призрак, руку которого – холодную мертвую руку трупа – сжимает Эстер? Она не может шевельнуть ни единым мускулом, она едва дышит.

– Кто-то говорит со мной! – неожиданно заявляет миссис Данторп, и ее голос звенит от восторга. – Да! Да, я слышу тебя! Назови свое имя... – просит она сипло.

Затаив дыхание, Эстер напрягает слух, чтобы услышать тот голос, который слышит медиум.

– Дух явился с предостережением... предостережением для кого-то в этой комнате! Он говорит, приближаются темные времена... злая сила вошла в один из домов, хотя мы об этом и не подозреваем, – говорит она, и ее голос превращается в жаркий шепот. Эстер слышит, как кто-то ахает, но не может понять кто. – Расскажи нам больше, дорогой дух... Кто ты?

Что они замышляют? Откуда об этом известно тебе, ты родственник кого-то, кто находится в этой комнате? Или друг? Мы жаждем твоего мудрого наставления!

Следует долгая пауза, и в шуме ветра Эстер слышатся голоса, полные боли или страха.

– О! Случится что-то ужасное! Он хочет предостеречь нас... Голос слабеет... Прошу, вернись, дух! Я теряю тебя, я не могу разобрать слов, – произносит медиум, потом замолкает, испуганно охнув. – Да сохранят нас святые угодники!

Внезапно раздается громкий треск, удар, от которого стол сотрясается, с неистовой силой поднимается в воздух и грохается обратно на пол. Одна из женщин испуганно кричит, разрывает круг и зажимает рот руками, заглушая возгласы страха. Потом все разом начинают говорить, как воробьи на живой изгороди:

– Что это было?

– А вы почувствовали? Вы что-нибудь видели?

– Господи боже, я думала, что упаду в обморок!

Миссис Данторп возвращается в реальность последней. Руки у нее остались раскинуты в стороны, хотя никто их больше не сжимает. Она медленно опускает голову, закрывает рот, дыхание выравнивается. Все, замороженные, смотрят, как начинают трепетать ее припудренные веки.

– Сегодня я больше уже ничего не смогу. Нашего гостя спугнул какой-то другой дух, который злится и горюет из-за своей кончины. Какая жалость, что мне больше ничего не удалось выпросить у первого духа, потому что он явно принес нам сведения, которые могли бы весьма пригодиться кому-то из нас. Этот сеанс совершенно меня обессилил. Нам еще повезло, что темный дух прошел своей дорогой и не задержался, чтобы тревожить нас, – объявляет медиум.

По комнате разносятся испуганные возгласы. Эстер содрогается при одной мысли, что они могли бы открыть дверь мстительному вурдалаку, который потом стал бы преследовать их, охотиться за ними.

– Эсме, дорогая, ты в порядке? – спрашивает Эстер.

– Я почувствовала его. Почувствовала второго духа – его боль и страдание! – шепчет девушка.

Миссис Эвери хмыкает несколько невежливо и звонит в серебряный колокольчик.

– Принесите миссис Буллингтон бренди. В самом деле, Сэнди, принесите бренди всем нам, – просит она служанку, пришедшую на зов.

– Вы говорите «дух», миссис Данторп, но вы можете сказать, мужчина это был или женщина? Ребенок или взрослый? – спрашивает Сара Викерс. – Вы можете объяснить, что так его взволновало? Может быть, он... или она... была убита?

– Подобные краткие контакты похожи больше на эмоциональное, чувственное впечатление, чем на связную беседу, – поясняет миссис Данторп. – Я не смогла успокоить его настолько, чтобы он услышал бы те рациональные вопросы, какие задаете вы.

– Но если вы слышали его, наверняка можете определить хотя бы его пол, – настаивает Сара Викерс.

В ее голосе угадывается вызов, и миссис Данторп достаточно умна, чтобы тотчас это понять.

– Речь духов совершенно не похожа на человеческую, уверяю вас, миссис Викерс, но, если бы я решила строить догадки на основании его интонаций, я сказала бы, что это был мужчина. Взрослый мужчина.

– О-о-о! Прекрасно. Жаль, что он задержался только для того, чтобы пнуть стол, вместо того чтобы рассказать о себе. Может быть, мы услышали бы от него имя его убийцы! – Сара улыбается.

– В самом деле, – холодно соглашается миссис Данторп.

Обе женщины сверлят друг друга взглядом.

– А первый? Тот, который говорил с вами, миссис Данторп? – спрашивает Клер Хиггинс, спешно заполняя неловкую паузу. – Можете ли вы рассказать о нем... о ней?

– Это был добрый дух. По-моему, женщина. Она была так озабочена тем, чтобы нас предостеречь, что я не успела спросить о ней самой. Думаю, это была женщина преклонного возраста, утонченная, умная и хорошо воспитанная.

– Что ж, если она была в родстве с кем-то из нас, я бы сказала, что она из хорошей семьи, – задумчиво произносит миссис Эвери. – Моя мать умерла несколько лет назад, – прибавляет она.

Эсме Буллингтон ахает.

– Вы думаете, это говорила ваша мама? Предостережение было для вас, миссис Эвери? – шепчет она, и ее глаза расширяются.

– Ну, если бы у меня в доме появились неожиданные гости, я, безусловно, насторожилась бы.

– По-моему, все мы должны поблагодарить миссис Данторп за эту яркую демонстрацию ее удивительных способностей, – говорит Эстер, вдруг почувствовав отчаянное желание, чтобы снова включили свет и тени в углах комнаты исчезли.

– О да! Это было незабываемо! – соглашается Эсме, и на ее лицо возвращаются краски жизни.

Постепенно атмосфера в комнате разрежается, снова начинаются разговоры, и каждая принимается сравнивать свои впечатления от визита духа с впечатлениями соседки. Дамы потягивают бренди, едят засахаренные фрукты и учтиво обмениваются сплетнями.

– Миссис Кэннинг, я слышала, у вас новая горничная из Лондона, – говорит миссис Эвери, двигаясь сквозь круг гостей к Эстер. В голосе ее вопрос не звучит.

– Верно, миссис Эвери. Ее зовут Кэт Морли. Она уже начала привыкать, хотя работает не так проворно, как можно было бы ожидать от горничной из большого дома, – отвечает Эстер.

– Я слышала, что она недавно сидела в тюрьме. Это правда? – спрашивает хозяйка, и на ее лице написано неодобрение.

Эстер чувствует, как кровь приливает к щекам. Откуда могли просочиться слухи? Только от Софи Белл, а ведь Эстер особо подчеркивала, что об этом никому не нужно рассказывать.

– Да. Я... э-э-э... – мямлит Эстер.

– Так правда или нет?

– Да, как ни печально, девушка сидела в тюрьме, это правда... Хотя и очень недолго, насколько я знаю... это было короткое заключение...

– Вы приняли в свой дом преступницу? Разве это разумно? – спрашивает миссис Эвери, своим вопросом пригвоздив Эстер к месту.

– Мы... мы с мужем подумали, что это милосердно, мы хотим дать девушке возможность зарабатывать на жизнь, шанс снова обрести место в обществе... В конце концов, она же исполнила свой долг перед законом, – удаётся выговорить Эстер.

Миссис Эвери хмыкает, дергает концы шали, поправляя ее на себе, ее подбородок лежит на груди. В седых волосах стального оттенка играют отблески света.

– Надо же! Так вот в чем причина. Весьма похвально, безусловно, и это меньшее, чего можно ожидать от священника, насколько я понимаю. Скажите, в чем состояло ее преступление?

– Это... это... подробности известны только самой девушке... Кэт Морли. Я не стала расспрашивать ее о деталях. Я подумала, лучше оставить...

– Да вы что! Не могу поверить! Вы просто обязаны были узнать, в чем дело, прежде чем брать ее к себе! Какая глупость не выяснить этого! А вдруг она убийца?

– Если бы она была убийцей, то срок ее заключения был бы гораздо дольше и она вряд ли была бы сейчас настолько молода, чтобы поступить на службу в дом викария, – вставляет Сара Викерс, заметив смущение Эстер.

– Я... я нарочно не стала спрашивать. Прошу прощения, миссис Эвери, – говорит Эстер. Сердце у нее колотится, щеки пылают. Она съеживается под взглядом хозяйки, мечтающая, чтобы прожектор гнева в ее глазах потух. – Что бы она ни сделала, Бог ей судья. Я надеюсь... приехав сюда, она сможет оставить все в прошлом.

Брови миссис Эвери в изумлении взлетают, губы вытягиваются в ниточку.

– Похвальное решение, безусловно, – произносит она, и каждое слово подобно удару хлыста.

Внезапно Эсме Буллингтон ахает, зажимая руками рот.

– Миссис Кэннинг, а вдруг предостережение было для вас? Вдруг дух говорил об этой вашей новой горничной как источнике зла, вошедшего в ваш дом? – спрашивает она, хватая руку Эстер своими короткими костлявыми пальчиками.

– О-о-о! Нет, конечно... Разумеется, дух говорил не о Кэт... – Эстер натянуто улыбается.

– Нет ли у вас пожилой родственницы, которая недавно скончалась? – серьезно спрашивает миссис Данторп.

Все двенадцать пар глаз в комнате обращаются к Эстер.

– Э-э-э... Разве что двоюродная бабушка Элиза... Она скончалась четыре года назад от паралича, – признается Эстер.

– Вот же оно! Это была ваша бабушка, наверняка! – восклицает Эсме. – О миссис Кэннинг, будьте осторожны, помните о том, что нам сказали. Источник зла вошел к вам в дом, и вас ждут темные времена... Бедная миссис Кэннинг! Будьте осторожны!

– Ну же, Эсме, возьмите себя в руки, – увещевает миссис Эвери молодую женщину, которая утирает глаза уголком носового платка. – Я уверена, что никакое зло не может так запросто пустить корни в доме человека, посвятившего себя Богу. Не так ли, миссис Кэннинг?

– Разумеется, – отвечает Эстер.

Весь остаток вечера она ощущает на себе взгляды приятельниц, улавливает выражение жалости и изумления на их лицах. Она улыбается гораздо чаще обычного, чтобы снять напряжение, однако вечер испорчен, и за ее внешним спокойствием скрывается глубокая озабоченность. Она вспоминает пристальный взгляд Кэт, за которым невозможно угадать ее мыслей, вспоминает тени под глазами и болезненную худобу девушки. Кэт в самом деле похожа на больную.

По пути домой Эстер с тревогой задает себе вопрос: будет ли ее еще приглашать миссис Эвери? Она солгала дважды за один вечер, но вторая ложь была во благо, ведь так? Она решила не разглашать никаких подробностей из прошлой жизни Кэт (а она знает больше, чем сказала, хотя и не намного), и она останется верна своему слову. Грохочет гром, словно по небу катятся тяжелые камни, и мощными шквалами налетает ветер, отчего весенние ветки мечутся, стряхивая пыльцу и отпуская только что распустившиеся лепестки лететь по воздуху. Падают первые капли дождя. Эстер плотнее запахивает пальто, сражается с зонтиком, но быстро сдается, потому что ветер угрожает его разорвать.

Небо тяжелое и низкое, и дороги почти не видно. Ее освещает лишь слабый желтый свет из окон, но на окраине деревни нет и такого света, чтобы помочь Эстер преодолеть последний отрезок пути до дому. Она ловит себя на том, что пристально вглядывается в тем-

ноту под деревьями и живыми изгородями, напрягает зрение, как напрягала свои чувства во время сеанса. Черные тени как будто наблюдают за ней, ветер словно доносит чей-то шепот. Эстер дрожит и останавливается. Ноги становятся как ватные, колени вот-вот подогнутся. Ветер поднимает вокруг нее вихри, треплет волосы, грозит унести шляпу; Эстер придерживает шляпу рукой, щурит глаза под косым дождем. За садовой стеной дома викария растет огромный конский каштан. На нем уже распустились листья, широкие, юные, нежно-зеленые при дневном свете. Вспышка молнии окрашивает дерево в серые тона преисподней, и Эстер замечает под ним чей-то неподвижный силуэт. У нее перехватывает дыхание. Видно лишь черный силуэт, неподвижный контур, однако она точно знает, что кто-то смотрит на нее с пристальным вниманием. Эстер пытается закричать, но не может издать ни звука. Она стоит окаменев и думает о страшном духе, который являлся этим вечером, и о жутких словах про зло, которое, возможно, вошло к ней в дом. Эстер цепенеет от ужаса. А в следующий миг, издав испуганный возглас, она бросается к дому, и сердце в груди колотится так, будто готово разорваться.

Кэт ждет, пока не раздастся звук захлопнувшейся парадной двери, и потом снова расслабляется. Она представляет себе, как Эстер стоит, прислонившись к двери спиной, с закрытыми глазами, грудь у нее тяжело вздымается. Кэт улыбается. Она подносит к губам сигарету, спрятанную за спиной, делает долгую затяжку. От дыма она чувствует жжение в груди, кашляет, но все равно курит. Доктор, которого пригласил к ней Джентльмен, одобрил эту привычку, сказав, что горячий дым наверняка поможет высушить легкие. Первый раз за много недель она снова чувствует вкус табака. Она вышла из дому, чтобы покурить подальше от миссис Белл и посмотреть на грозу. Никогда в жизни она не стояла под деревом в непогоду. Никогда не слышала, как ветер треплет ветки и те хлещут друг друга под дождем, словно волны, бьющиеся о берег. Кэт закрывает глаза и слушает, позволяет звукам окутать себя, пока ей не начинает казаться, что она просто лист на дереве, слабый и беспомощный. Вот-вот сорвется и улетит. Когда у нее над головой раздается раскат грома, Кэт улыбается в темноте.

– Где тебя черти носили? – рявкает миссис Белл, когда Кэт возвращается в кухню. – Хозяйка потребовала принести ей бутылку с горячей водой, какао и достать из зимнего сундука шерстяную кофту, а тебя нигде нет!

– Это гроза, а не снежная буря. Едва ли ей нужна шерстяная кофта, – отвечает Кэт, выливая молоко, принесенное из холодной кладовки, в медную кастрюлю. В блестящей посудине белая жидкость выглядит особенно ярко. Кэт размешивает молоко, прежде чем поставить его на плиту.

– Нужна или не нужна, это ее дело, и кто ты такая, чтобы спорить? – ворчит миссис Белл. – Пойди и найди. В сундуке под лестницей. И убедись, что вытряхнула все шарики от моли, прежде чем отдавать хозяйке. А этим займусь я. Отойди от плиты, пока у тебя молоко не пригорело!

– Да, миссис Белл, – вздыхает Кэт.

– И не давай тут мне... – говорит миссис Белл, но не может толком выразить свое возмущение.

Она умолкает, яростно мешая молоко и качает головой. От ее движений волна проходит не только по молоку – она сама вздымается от груди до бедер.

– Захвати лампу, викарий не любит, когда на лестнице зажигают свет, если хозяйка уже легла, – говорит она вслед Кэт.

– Мне не нужна лампа, – отвечает Кэт, направляясь к лестнице. Она отходит от кухни на несколько шагов, и ее глаза тут же привыкают к темноте.

Продрогшая, Эстер сидит на постели, чувствуя покалывание в пальцах на руках и ногах от притока крови. Голова у нее болит после сегодняшних треволнений. От света лампы комната наполнена желтым светом, но ей кажется, будто она до сих пор видит тени и чьи-то фигуры, затаившиеся в углах, которые исчезают, стоит посмотреть в их сторону. «Злая сила вошла в один из ваших домов...» Эстер хочется, чтобы Альберт поскорее вернулся и разогнал ее страхи своей спокойной улыбкой. Постепенно она и сама начинает успокаиваться и берется за томик проповедей, но легкий стук за дверью заставляет ее похолодеть. Она ждет, напрягая слух, повторения звука. И он повторяется – шарканье и легкое постукивание. Эстер ругает себя за свой страх, за веру в то, что она могла привести за собой в дом призрака.

– Наверняка это кошка, глупая девчонка, – говорит она себе вслух, и привычный звук ее голоса придает ей храбрости.

Чтобы доказать, что она существо разумное и ничего не боится, она встает и подходит к двери. Однако, положив руку на задвижку, мешкает и сглатывает ком. В горле совершенно пересохло. Она открывает дверь как можно тише. За дверью в коридоре кромешная темнота и явственно ощущается сквозняк. Эстер нарочно смотрит по сторонам, хотя ее глаза ничего не различают в угольной черноте, в пустоте, из которой может выскочить что угодно. По коже бегут мурашки, она разворачивается, чтобы вернуться в комнату, и в этот самый миг у ее правого локтя возникает фигура. Эстер вскрикивает, затем при свете, падающем из спальни, видит блестящие черные глаза и черные волосы.

– Кэт! Господи, вы меня до смерти напугали! – Она нервно смеется.

– Прошу прощения, мадам, я не хотела. Я принесла вам кофту, – говорит Кэт, протягивая длинное вязаное одеяние, от которого разит камфарой.

– Спасибо, Кэт, – говорит Эстер. Сердце у нее колотится.

Кэт стоит, спокойно рассматривая ее. Эстер бросает на нее взгляд и снова ощущает смущение.

– Что вы там делали в темноте? Почему не взяли лампу, не зажгли свет? – спрашивает она.

Кэт моргает и внимательно смотрит на нее.

– Я хорошо вижу в темноте, – отвечает она.

– Черная Кошка, – бормочет Эстер прозвище, которое само, незваное, срывается с языка. Она видит, как замирает Кэт.

– Где вы это слышали? – резко спрашивает девушка.

Эстер нервно глотает.

– Э... нигде, простите, Кэт. Я не хотела... Спасибо, что принесли кофту. Вы, пожалуйста, тоже идите спать. Мне больше ничего не понадобится, – поспешно произносит она.

– Я еще принесу какао, которое вы просили, как только оно будет готово, – возражает Кэт.

– Ах да, конечно. Конечно. Спасибо, Кэт. Простите. – Эстер возвращается в спальню, сама не зная, за что извиняется.

Кэт так и стоит в темном коридоре, когда Эстер закрывает за собой дверь спальни.

Вскоре после этого возвращается Альберт, и выражение лица у него весьма отстраненное. Он неуверенно поглаживает по плечу Эстер, бросившуюся к нему в объятия в тот миг, когда он входит в комнату.

– Альберт, как я рада, что ты пришел, – произносит она, уткнувшись ему в грудь.

– Ты здорова, Этти?

– Да-да. Это просто... из-за грозы. Меня напугал гром, когда я возвращалась домой, вот и все, – говорит она, задыхаясь. – Мне пришлось выпить какао, чтобы согреться.

– Ну, успокойся, нечего бояться. Как говорит святой Павел: «Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими – огонь пылающий»². В дующем ветре обитают живые духи, ангелы Господни направляют грозовые облака, а могучий раскат грома, может быть, и являет собой колебания воздуха, как уверяют нас ученые мужи современности, но он все же *больше* того – это глас самого Господа!

Альберт улыбается, его глаза горят. Эстер улыбается ему в ответ, не зная, что на это отвечать.

– Пойдем в постель. Сегодня такой холодный вечер, – говорит она.

– Хорошо. Уже поздно, я не буду долго читать.

У него такая привычка: он читает Писание хотя бы по полчаса каждый вечер перед сном, спокойный, сосредоточенный, словно школьник, который знает, что его ждет контрольная.

Когда Альберт наконец закрывает книгу, кладет сверху очки и перемещает все на столик возле кровати, Эстер улыбается. Он выключает лампу, укладывается пониже, сплетает пальцы на груди. Но глаза у него открыты. Эстер не гасит свою лампу, она лежит, глядя ему в лицо. Гроза стихает, однако ветер все еще дует, с силой швыряя дождь в оконное стекло. Комната, освещенная одинокой лампой Эстер, похожа на уютный кокон, защищающий от бури и тьмы. Может быть, из-за этого, а может быть, из-за страха, пережитого вечером, Эстер чувствует острую потребность в утешении. Она изнемогает от желания, чтобы муж коснулся ее, обнял. Она всматривается в его гладкое лицо, в теплый отсвет на коже, посмуглевшей от частого пребывания на воздухе.

Они ни разу не лежали рядом обнаженные, чтобы он был над ней или наоборот. Она никогда не ощущала прикосновения его тела к своей груди, и от этой мысли у Эстер пересыхает в горле, сердце бешено колотится, она почти задыхается. Не говоря ни слова, она придвигается ближе к Альберту и ложится щекой к нему на плечо. Он не шевелится, молчит. Он не может сослаться на усталость, когда его разум столь очевидно бодрствует этим вечером. Проходит минута, и, поскольку он не возражает против ее прикосновения, Эстер снова поднимает голову. Альберт так близко, что она не может сосредоточить на нем взгляд. Он превращается в размытое кремовое пятно в полумраке, в мягкие оттенки золотисто-коричневого и молочно-белого. Его запах заполняет ее ноздри. Мыло, которым он пользуется для бритья, запах его кожи.

– Ах, Альберт, – выдыхает она, и вся ее любовь и страсть к нему сосредотачиваются в этих двух словах, отчего голос становится глубже, звучнее.

Она позволяет рукам пройтись по его груди, вжаться в ткань его рубашки, ища теплую кожу под ней, легкое сопротивление растущих там редких волосков. Подтянувшись повыше, она прижимается ртом к его рту, ощущая чудесное тепло его губ, их мягкость – всего на мгновение, прежде чем он оттолкнет ее.

– Этти... – начинает он, глядя на нее почти с отчаянием, почти со страхом.

– О Альберт, – отчаянным шепотом отзывается Эстер, – почему ты всегда отталкиваешь меня? Ты меня не любишь? Это же не грех, когда муж и жена касаются друг друга, лежат в объятиях друг друга...

– Нет-нет, это не грех, дорогая Этти, – отвечает Альберт.

– Тогда почему? Ты меня не любишь? – спрашивает она, пораженная.

– Конечно люблю, глупенькая! Кто мог бы не любить такую прекрасную жену, как ты? – Альберт выпускает ее руки, снова сплетает пальцы на груди как будто по привычке, однако это оборонительный жест, он ставит барьер между ними.

² Псалтирь 103: 4.

– Я не такая глупая, Альберт, я... Я не понимаю. Неужели мы муж и жена только по названию?

– Мы муж и жена в глазах Господа, и это священо, это нерушимо, – говорит Альберт, и в его голосе слышится страх. Взгляд блуждает по комнате, как будто он мечтает бежать отсюда.

– Это я знаю и рада этому, однако... наш союз не скреплен. И как же дети, Альберт?

– Я... – Альберт закрывает глаза, чуть отворачивается от нее. – Семья... семья – это то, чего я хочу. Конечно же, хочу, Эстер...

– Хорошо, не буду притворяться, будто разбираюсь в подобных делах, но я точно знаю, что у нас не будет ребенка, пока ты не касаешься меня, не целуешь и не обнимаешь.

Сама того не желая, Эстер раздражается слезами. Они жарко горят на щеках, от них щиплет глаза.

– Ну вот, начинается, перестань, Этти! У нас будет семья, всему свое время! Мы еще молоды и... возможно, мы еще слишком молоды. Возможно, было бы лучше подождать немного, пока мы оба не начнем яснее понимать устройство мира...

– Альберт, в мой следующий день рождения мне исполнится двадцать шесть. Тебе будет двадцать пять. У многих женщин моложе меня уже по трое детей! – Она шмыгает носом, утирая глаза манжетой ночной рубашки. – Но дело не только в этом, не только! Мне необходимо... я нуждаюсь в твоей *нежности*, Альберт!

– Этти, умоляю: успокойся! – просит Альберт, и он кажется таким напряженным, загнанным в угол, смущенным, что Эстер сдается.

– Я не хотела делать тебя несчастным, – говорит она, подавляя рыдания.

– Ты не можешь сделать меня несчастным, дорогая Эстер, – говорит Альберт, и в его глазах читается беспомощная мука. Минуту он смотрит, как она плачет, потом перекачивается на бок, придвигаясь к ней, и утирает ей слезы. Он, кажется, принял какое-то решение. – Что ж, хорошо. Ты не погасишь свет? – просит он.

Эстер потрясена, потому что слышит, как дрожит его голос. Она молча подчиняется.

Эстер ждет в темноте. Альберт придвигается еще ближе, так что касается ее всем телом. Она разворачивается к нему лицом, чувствует его близость, чувствует, как ее дыхание разбивается о его кожу, возвращаясь к ней теплом. Когда он целует ее, она подается к нему, прижимаясь губами к губам. Ей кажется, она сейчас задохнется. Комната кружится, и это чудесное, пьянящее чувство. Она обхватывает Альберта руками, растопырив пальцы, чтобы касаться его тела как можно больше. Перебирает его рубаху, мнет ткань, добирается до кожи и проводит руками, восхищаясь ее теплотой и гладкостью. Альберт дрожит от ее прикосновений. Она осторожно притягивает его все ближе и ближе к себе, пока он, едва не потеряв равновесия, не был вынужден лечь сверху. Держа его крепко-крепко, ощущая, как под тяжестью его тела из легких выходит воздух, она чувствует, как ее захлестывает мощная волна радости. Она улыбается в темноте и снова целует его.

– Мой Альберт... как я тебя люблю, – выдыхает она.

Его поцелуи сухи, губы крепко сжаты. Эстер, сомневаясь, приоткрывает рот, совсем немного, но Альберт отстраняется.

– Прости, – тут же произносит она.

– Нет-нет. Я... – шепчет Альберт, однако не завершает фразы.

Он сжимает в ладонях ее лицо, чуть придерживая голову, гладит ее по волосам. Эстер слегка выгибается, отчаянно желая ощутить, как его руки сдвигаются ниже, ощутить его прикосновение к груди, животу, бедрам. Она инстинктивно разводит колени, медленно, по миллиметру, чтобы казалось, будто они разошлись в стороны под его весом. Он зависает над ней, и Эстер тянет руки к его бедрам, чтобы прижать к себе. Она действует импульсивно, не в силах сопротивляться желанию. Где-то в недрах ее живота разливается восхитительная боль,

она подрагивает от предвкушения, которое подобно трепещущей бабочке. Эстер позволяет своим рукам соскользнуть на его ягодицы и притянуть его ближе. Альберт замирает. Его лицо отстраняется от нее, она слышит его дыхание, быстрое, паническое.

– Альберт, что-то не так? – спрашивает она и тянется за ним, чтобы он снова поцеловал ее.

Однако Альберт отстраняется еще дальше. Он громко сглатывает комок в горле и осторожно сползает с нее, ложится на свою половину кровати, подальше от жены.

– Альберт, прошу тебя! Скажи мне: что не так! – шепчет Эстер, и боль, оттого что ее вот так отвергли, невыносима.

– Мне очень жаль, Эстер, – говорит он смиренно и с сожалением.

Сердце Эстер болит за него, она кусает губы, чтобы не плакать. Но как она ни старается, она не может подобрать слов, чтобы утешить его, не может произнести, что это не важно. Потому что в этот миг это важнее всего на свете. Она долго лежит молча, слишком расстроенная, чтобы заснуть; по его дыханию и неподвижности она понимает, что Альберт тоже не спит. Они всего в нескольких дюймах друг от друга, однако Эстер кажется, что между ними пролегла пропасть.

В своей комнатке на чердаке Кэт сочиняет письмо к Тэсс. «Самым трудным для меня в той гнилой клетке было сознавать, что ты где-то рядом, в такой же клетке, но я не могу увидеть тебя, не могу поговорить», – пишет она, и в мерцании свечи тень от ее пера скачет и мечется. Хотя это неправда. Самым трудным было ждать в холодном, блеклом свете утра, который будил ее очень рано, слушая, как к ней по коридору приближаются шаги и катится тележка. Вот тележка останавливается, двери открываются и закрываются, раздаются крики и звуки борьбы, слышно, как жертва задыхается, кашляет, ее рвет, а тюремщики сыплют проклятиями. Постепенно звук становится все ближе и ближе, и она понимает, что будет следующей. Наступает ее черед. Но ожидание было хуже всего, страх изматывал. С головой, затуманенной от страха и голода, она лежала по утрам иногда по целому часу, слушая, как тележка, грохоча и повизгивая, движется к ней. От этого звука волна ужаса катилась по всем камерам, столь явная, что ее можно было едва ли не пощупать. Несколько простых предметов, лежавших на небольшой тележке, было достаточно, чтобы даже самые храбрые сердца дрогнули, и слезы наворачивались на глаза Кэт.

«Я отправлю письмо на Бротон-стрит на тот случай, если кто-нибудь там поддерживает с тобой связь, на случай, если ты оставила кому-нибудь свой адрес», – продолжает Кэт. Она замирает, покусывает кончик пера. Как же получилось, что она не знает, о чем написать лучшей подруге? Человеку, о котором она думает чаще, чем о ком-либо другом? «Я так скучаю по тебе, Тэсс. Место здесь совсем неплохое, я вижу это своими обновленными глазами, но все равно я как в западне. Я чувствую себя так, будто все еще в тюрьме. А ты так не чувствуешь? Когда мы с тобой сбежали из дому на самое первое собрание, тогда мы были свободны, Тэсс! В самый первый раз. Не думала я, что все закончится вот так». Кэт смотрит на свою узкую тень на стене, погружаясь в воспоминания. Казалось, они не могли стать подругами, горничная и помощница кухарки. Кэт была выше рангом, и было очевидно, что и за длинным обеденным столом в комнате для прислуги, где они встречались трижды в день, Кэт не станет разговаривать с Тэсс. Тэсс сначала жила в подвальной комнате с Эллен, судомойкой. Но однажды ночью их комнату затопило, и им пришлось ждать не одну неделю, прежде чем там все просохло. Стены покрылись плесенью, воздух от сырости стал холодным. Поэтому для Эллен поставили раскладную кровать в комнате кухарки, а Тэсс отправили на чердак к Кэт.

Тэсс только что исполнилось шестнадцать, она была совсем ребенком. Кэт стала учить ее грамоте, рассказывала о далеких странах, читала отрывки из Байрона, Мильтона и Китса. В глазах Тэсс загорался огонек при каждом повороте сюжета, страшном или чудесном собы-

тии – когда Моряк убил альбатроса или когда Изабелла положила голову своего возлюбленного в цветочный горшок.

В первый раз идея ускользнуть из дому пришла на ум Тэсс. До того момента Кэт даже не задумывалась об этом. Ее приучили быть послушной и почтительной, любить и бояться Джентльмена. Но Тэсс прочла одну брошюрку, которую кто-то оставил в комнате прислуги, и показала ее Кэт. Помахала перед носом в тихом углу коридора, скрытом от взглядов дверью судомойни, где их никто не заметил бы ни из чулана буфетчика, ни из комнаты экономки.

– Давай сходим туда, Кэт! Или слабу? Ну, давай пойдем!

В воскресенье после обеда, в свой единственный выходной, они нарядились в лучшие платья и пошли. И в Кэт загорелся огонь. Потому что там, за стенами дома, была жизнь. Потому что там было полно людей, собравшихся вместе, потому что они этого захотели и она оказалась одной из них. Щеки у Тэсс тогда покраснели от волнения, а Кэт лишилась дара речи. Казалось, мир начал вращаться заново и больше никогда не вернется на свою старую, скучную орбиту.

Местный зал для собраний был оформлен в пурпурных, белых и зеленых тонах, начиная от оконных переплетов, флагов и полотнищ ткани, которые свисали со всех перил и балюстрад, и заканчивая цветами в вазах, которые стояли повсюду, насыщая воздух своими ароматами. Над головой мягко колыхались громадные транспаранты. На одном было написано: «Кто хочет освободиться, должен бить!» На втором был симпатичный портрет Эммелин Панкхёрст³, и здесь же, в зале, ее называли «борцом за права всех женщин» и восхваляли ее «неколебимое бесстрашие». Было суетно, в помещении стоял гул взволнованных голосов, Кэт и Тэсс стояли позади, пораженные великолепными нарядами дам, которые сидели в первых рядах и, кажется, прекрасно друг друга знали. До сих пор девушки ни разу не сидели в одной комнате наравне с настоящими леди. Для Тэсс этого было достаточно. Ей было достаточно, что ее считали личностью, считали кем-то, хотя бы недолго. А вот Кэт потрясли до глубины души произнесенные слова, доводы, которые она услышала тем вечером из уст выступавших, они потрясли ее настолько, что, казалось, она впервые в жизни проснулась.

– Мужчина может быть пьяницей, безумцем, преступником, он может быть хромым, непригодным к воинской службе, он может держать белых рабынь, и все равно он имеет право голосовать! Женщина может быть мэром, медсестрой, матерью, она может изучать медицину, стать врачом или учителем, она может работать на фабрике, чтобы содержать себя и семью, но она не может голосовать! Если проститутку признают зараженной венерической болезнью, ее схватят и будут против ее воли держать под замком много месяцев, пока не излечат, однако же мужчины, которые ходили к ней и заразили ее, не понесут никакого наказания! Муж может избивать жену и удовлетворять при этом все свои телесные нужды, а она не имеет возможности ему отказать. Мужчина до брака может развратничать, пробуя себя с разными партнершами, и все равно он сможет потом заключить достойный брак, тогда как женщины, с которыми он встречался, будут отвергнуты обществом!

При этих словах Тэсс захихикала и покраснела, и Кэт шикнула на нее, взяв за руки, чтобы успокоить.

– До тех пор пока голосовать могут только мужчины, правительство нашей страны будет заботиться об экономических нуждах только мужчин. Наши противники подчеркивают, что у нас нет возможности зарабатывать наравне с мужчинами; конечно, откуда взяться этой возможности, когда все самые доходные и важные должности закрыты для нас мужчинами! До тех пор пока у женщины нет политической власти, до тех пор не будет и власти экономической; когда дело касается заработка, женщина остается на самой нижней ступени лестницы. Пока парламент не признает за нами право голоса, ни одна из этих несправедли-

³ Эммелин Панкхёрст (1858–1928) – лидер британского движения суфражисток, активно боролась за права женщин.

востей, ни одна из этих несообразностей не будет исправлена! Они говорят: если женщины получат право голоса, то больше не станут слушаться мужчин и все вокруг обратится в хаос. Мы говорим: почему бы мужчинам наконец-то не послушать женщин? Товарищи! Несите наше слово в массы! Потратьте свое время, потратьте деньги, если у вас есть возможность. Подайте свой голос, заставьте услышать себя!

Раздались бурные аплодисменты, после чего вручали медаль хрупкой женщине, цвет коричневого платья которой был в тон кругам под глазами, – она недавно освободилась из тюрьмы, где сидела за срыв собрания Либеральной партии. Женщина приколола медаль к платью, а затем пронзительным голосом заговорила о выпавших на ее долю испытаниях, благодарила сестер за поддержку и обещала бороться дальше. Ей аплодировали стоя.

– Пошли, Кэт, нам пора. Уже почти четыре, – тревожно зашептала Тэсс, когда ораторша сходила со сцены.

– Подожди. Я хочу спросить, что мы можем сделать.

– О чем ты, Кэт? Что сделать?

– Ты что, думаешь, это наше первое и последнее собрание? Неужели ты не хочешь им помочь? Стать одной из них? – спросила Кэт с недоверием.

– Стать одной из них? – отозвалась эхом Тэсс, испуганно улыбаясь.

– Ты же слышала, о чем она говорила! Почему мы лишены права голоса? Почему я зарабатываю меньше посыльного, хотя я старше, работаю дольше и занимаю более важную должность, чем он?

– Но... это все не для таких, как мы; у нас имеются обязанности, которые необходимо исполнять. Взгляни на всех этих леди! У них есть время и деньги, чтобы участвовать во всем этом. А что есть у нас?

– А у нас никогда не будет ни времени, ни денег, одни только обязанности, которые необходимо исполнять, если мы ничего не сделаем. Неужели тебе не хочется что-то изменить? – спрашивала Кэт, легонько встряхивая Тэсс.

Глаза у Тэсс были широко раскрыты, она испугалась, но в конце концов кивнула.

– Хочется, Кэт. Если ты будешь рядом со мной. Я хочу что-то изменить, – сказала она, глядя на Кэт с легким изумлением.

– Прекрасно. – Кэт улыбалась. – Пошли. Спросим, что мы можем сделать.

Они взяли брошюры, уплатили по пенни за экземпляр «Голосуй за женщин», выяснили, где располагается местное отделение Социально-политического союза женщин, СПСЖ⁴, куда они могут пойти, внести шиллинг за вступление и подписать декларацию верности.

В следующие недели они ходили в лавку на Чаринг-Кросс-роуд, где закупали символику нужных цветов, – здесь продавались всевозможные аксессуары бело-пурпурно-зеленого цвета, от шляпных булавок до велосипедов, – и работали бесплатно, заклеивая конверты, раздавая брошюры, сообщая о собраниях и мероприятиях по сбору средств. С тех пор они каждое воскресенье ходили на собрания, хотя ноги у них ныли, спины болели и они могли бы провести это время лежа на кровати, выпивая в пабе или встречаясь с парнями. Все рабочую неделю они носили свои значки СПСЖ под одеждой, чтобы их не увидели и не отобрали, отныне они были не просто служанками, а суфражистками.

Сначала это была игра, вспоминает Кэт. Игра, где она диктовала правила, а Тэсс по ним играла. Кэт закрывает глаза от боли, неоконченное письмо лежит перед ней. Как она может писать об этом? Как она надеется заглядеть свою вину? Милая, доверчивая Тэсс, ребенок,

---

⁴ СПСЖ (Социально-политический союз женщин; The Women's Social and Political Union, WSPU) – основан в Манчестере (Великобритания) 10 октября 1903 года. Участницы этого феминистского движения (суфражистки) выступали за права женщин, в том числе за право голоса. Основными формами деятельности Союза были организация беспорядков, демонстрации и отказ от уплаты налогов.

которому Кэт затуманила мозги. Тэсс всегда делала все, о чем ее просила Кэт. Но то, о чем просила ее Кэт, погубило Тэсс. Это и должно было закончиться так: все вокруг было забрызгано ее кровью, ее дух был сломлен. Так и должно было закончиться. Кэт ставит подпись, написав всего два коротких никчемных слова: «Прости меня». Она прижимает письмо к груди, как будто оно способно впитать в себя раскаяние, идущее от ее сердца, и сообщить о нем Тэсс.

Глава третья

Из дневника преподобного Альберта Кэннинга

Пятница, 2 июня 1911 года

Вчера вечером в Ньюбери я слушал потрясающего лектора, некоего Робина Дюррана. Это молодой человек, но ум у него развит не по годам. Он до чрезвычайности красноречиво рассказывал об основных догматах религии мудрости, сиречь теософии, совершенно завладев вниманием аудитории. Особенный упор был сделан на духов природы, на доказательства их существования, методы обнаружения, а также причины: как и почему они могут являться по доброй воле – или же, наоборот, не являться – людям, своим соседям по мирозданию. После лекции он говорил со мной весьма убедительно, считая возможным примирить теософию с англиканской верой.

Я возвращался с лекции во время невероятной электрической бури⁵. Что управляет подобными явлениями, поразительными явлениями, если не Бог, если не высший порядок? Это поразительно совпало по времени с моей проповедью как раз на эту тему. Эстер сильно испугалась грозы, она ослабела эмоционально и нуждалась в утешении. Чтобы успокоить ее, я нашел отрывок из Писания, в котором говорится о присутствии Господа в подобных явлениях, однако на нее не всегда действуют слова. Женщины иногда похожи на детей с их простыми страхами и непониманием.

Мы снова говорили на тему семьи, по ее настоянию начали обниматься, и в конце концов я вынужден был отстраниться от нее. Ее слезы, которыми, как я уверен, она вовсе не пыталась меня разжалобить, тем не менее заставили меня подчиниться ей, что в итоге вылилось в эту неприятную ситуацию. Но она права: возлежать с женой самым целомудренным образом ради зачатия детей входит в обязанности мужа. Я не могу объяснить ей своего нежелания. Я не могу толком объяснить его самому себе. Однако что-то останавливает меня; что-то вынуждает меня воздерживаться от соития. Я объясняю это лишь тем, что у Господа на счет меня – нас – есть иные планы, какие Он пока еще нам не открыл. Я не осмеливаюсь сказать об этом Эстер, которая всем существом мечтает о детях и которая, кажется, нуждается в физическом проявлении чувств так, как не нуждаюсь я. И все же мы созданы Господом, и Он направляет нас, если мы слышим Его, и поэтому я должен следовать своим чувствам. Молюсь, чтобы Эtti пришла к пониманию того же. Меня терзает мысль о том, что я, возможно, делаю ее несчастной.

---

⁵ *Электрическая буря* – метеорологический термин, особенно распространенный в начале прошлого века.

1911 год

В понедельник ближе к вечеру, очнувшись от послеобеденного сна, Эстер спускается решительными шагами проходит по дому в поисках мужа. Она идет на звуки негромкой музыки в библиотеку и находит его за открытым фортепиано, свадебным подарком ее дяди. Фортепиано завалено кипами нот, книгами с гимнами и партитурами. Пальцы Альберта легко касаются клавиш слоновой кости. Эстер прислоняется к дверному косяку и с минуту наблюдает за мужем, слушая тихие музыкальные фразы, которые повторяются снова и снова с небольшими вариациями. От усердия он склонил голову, и короткие волоски на шее золотятся при свете послеполуденного солнца. Она не решается его потревожить, боясь вызвать неудовольствие. С той ночи, когда разразилась гроза, между ними сохранилась некоторая неловкость, о которой они не говорят и которая заставляет ее сомневаться в его любви. Проходит минута, он – кажется, почувствовав ее присутствие – распрямляется, оборачиваясь через плечо. Эстер улыбается.

– Извини, дорогая. Я не хотел тебя будить, – говорит он, пока она проходит в комнату, чтобы сесть рядом с ним.

– Ты не разбудил, – уверяет Эстер, радуясь, что он вроде бы всем доволен. – Я сама проснулась и хотела встать. Сочиняешь новый гимн?

– Увы, я сочиняю все тот же гимн, – вздыхает Альберт. – Один и тот же третью неделю! Никак не удастся положить слова на музыку... Это ужасно раздражает.

– Тебе нужно отдохнуть, милый, – предлагает она.

– Не могу. Не раньше, чем разберусь с ним.

– Сыграй. Может быть, я чем-нибудь помогу. – Эстер садится на стул рядом с ним, лицом к клавиатуре.

– Хорошо, только он совершенно не готов для игры на публике, – смущенно предупреждает Альберт.

– Я не публика. Я твоя жена. – Эстер улыбается и осторожно берет его под руку, легко, чтобы не стеснять его движений.

Альберт извлекает первый аккорд, настраиваясь на тональность.

– Господь, Отец Небесный, куда ни кину взгляд, небесной щедрости Твоей плоды висят! Твой глас и в птичьей трели, и в рокоте волны – Тебе внимаем мы, Твои сыны... – негромко поет Альберт, его голос прыгает вверх-вниз на каждой ноте, как ребенок, играющий в классики. – Вот видишь! – Он умолкает, расстроенный. – Последняя строчка не ложится на музыку!

Эстер протягивает руку и сама играет последние ноты. Она напевает себе под нос, позволяя мелодии двигаться в собственном ритме.

– А вот так? – Она откашливается. – Твой глас и в птичьей трели, и в рокоте волны – Тебе внимаем мы, Твои сыны, – поет она.

Альберт с обожанием улыбается ей:

– Дорогая, у тебя настоящий дар, я даже завидую. Это ты должна сочинять гимны, а не я! Спасибо. – Он целует ее в лоб, лицо его открыто и сияет от счастья.

У Эстер перехватывает дыхание, она боится заговорить, поэтому улыбается и снова наигрывает простенький мотив; и вот так они сидят, залитые приглушенным солнечным светом, рука в руке, напевая и негромко играя на фортепиано.

К одиннадцати вечера дом становится темным и молчаливым. Опускается тихая ночь, напоенная ароматами и теплая, немного не по сезону. Кэт, неслышно ступая, покидает свою комнату, проходит по коридору, спускается по черной лестнице. Ее ноги уже знают, на какие

половицы нельзя наступать и где идти, чтобы не издавать ни звука. Хотя мало что может разбудить дом, где привыкли спать под оглушительный храп Софи Белл, думает она. Оказавшись во дворе, Кэт закуривает сигарету, прислонившись спиной к теплой кирпичной стене и глядя на яркий алый огонек, который вспыхивает при каждой затяжке. Когда он гаснет, у нее перед глазами в темноте остается его след. Вокруг дома ухают совы, переговариваются, словно дети, с помощью свиста и писка. На фоне бархатного чернильно-синего неба мечутся маленькие летучие мыши. Кэт наблюдает за ними, зачарованная их беззвучным полетом. Вдруг ей приходит в голову, что она не сможет вернуться в дом, пойти в свою комнату и лечь в этой новой, добродетельной тюрьме, в которую ее заточили. Вокруг столько жизни, ночной воздух гудит, как будто насыщен электричеством. Кэт шагает через луг, и ее туфли в густой траве намокают от росы.

Глаза быстро привыкают к темноте, Кэт идет в сторону канала, сворачивает налево, к бечевнику. Сердце ее бьется чаще от того же волнения, какое она испытывала, когда они с Тэсс в первый раз отправились на собрание. Всего полтора года назад. А будто прошла целая жизнь. Теперь она живет в другом мире. Кэт ощущает напряжение чувств, которым она не может подобрать названия, чувств, почти пугающих, от которых она и сама хотела бы отказаться, но не может им противиться. Кровь в ней бурлит, в кончиках пальцев покалывает. В том месте, где склады и мастерские сменяются городскими домами Тэтчема, на мосту сидит компания мужчин, они курят, болтают и смеются. Другая девушка почувствовала бы страх, однако Кэт нисколько их не боится.

– Ого, кто тут у нас? – спрашивает один из компании, когда она направляется к ним, поднимается на мост с берега канала и останавливается, скрестив руки на груди.

Она не видит их лиц, только тени и контуры. От них исходит запах пота – резкий запах рабочих людей в конце долгого жаркого дня. Пиво, табачный дым, грубая холщовая одежда.

– Ты не заблудилась, девочка? – спрашивает еще один.

– Не заблудилась, и я не девочка. Я ищу Джорджа Хобсона, – говорит она; имя само срывается с языка, хотя она даже не подозревала, что запомнила его.

– Надо же, как ему повезло. Тайное свидание, а? – говорит первый мужчина, ухмыляясь так, что все остальные хохочут.

– Не ваше дело. Так вы знаете, где его найти, или нет?

– Ого, да она еще и злюка! Бойкий у вас язычок, мисс. Я уже не так уверен, что Джорджу повезло!

– Он должен быть в «Пахаре» – скорее всего, сидит в задних комнатах, – подает голос мужчина помоложе. – Знаете, где это? Пройдете немного дальше, а у следующего моста повернете направо, потом идите вдоль дороги на Лондон. Там увидите.

– Спасибо. – Кэт отправляется дальше под благодушное улюлюканье и свистки.

Лишь на пороге «Пахаря» она колеблется, потому что дверь низкая, а помещение внутри темное и, несмотря на поздний час, многолюдное. На мгновение она чувствует страх, будто сейчас снова окажется под замком, будто может угодить в ловушку. Однако она берет себя в руки и вливается в толпу. В пабе есть и другие женщины, но их очень мало: блузки на них в обтяжку, верхние пуговики расстегнуты, в руках кружки пива, а щеки и губы пылают от поцелуев. «В задних комнатах», – сказал молодой человек. В дальнем конце помещения виднеется грубая деревянная дверь, она закрыта и заперта на засов. Кэт направляется к ней. Когда она берется за засов, то невольно вздрагивает. С другой стороны слышится рев: там хором орет сотня зычных мужских голосов. Неуверенность замедляет движения Кэт, заставляет остановиться. Шум такой, будто по другую сторону двери собралась огромная дикая толпа, а она достаточно знакома с толпой, чтобы ее бояться. Чья-то рука сжимает ее запястье и решительно отодвигает от засова.

– Куда это вы собрались, юная леди? – спрашивает усатый старик.

Его кожа напоминает кору, и она выдергивает руку.

– Уберите от меня свою лапу! – рявкает она, ее сердце ухаает.

– Ладно-ладно, никто вас не трогает! Я просто задал вопрос, и все. – Старик невнятно выговаривает слова, однако взгляд у него ясный, и если он захочет ее остановить, понимает Кэт, то сможет.

– Я пришла увидеться с Джорджем. Джорджем Хобсоном, – говорит она, решительно вздергивая подбородок. – Он там?

– А вы ему кто? Жена? Дочь? Мне казалось, у него никого нет, – с любопытством спрашивает старик.

– Кто я такая, не ваше дело. Так впустите меня или нет?

Старик мгновение рассматривает ее, задумчиво жуя измусоленный окуроч.

– Вы знаете, куда идете, да? – Он смотрит на нее с сомнением, тыча в дверь большим пальцем. Оттуда доносится новый взрыв рева толпы. Сердце у Кэт бьется учащенно. Она сжимает губы и коротко кивает, хотя понятия не имеет, что там ждет ее в этой запретной комнате. – Тогда входите, только, чур, никаких сцен, не то я выведу вас за ухо, понятно? – Он наваливается на дверь, отодвигает засов, приоткрывает дверь ровно настолько, чтобы Кэт могла проскользнуть. И она проскальзывает, закусив губу и сжав руки в кулаки.

Воздух в помещении синий от дыма, там духота, жарко, потолок совсем низкий, деревянный, как и стены. Обзор Кэт загораживают ряды мужчин, которые сидят к ней спиной, все они толкаются, вопят, теснят друг друга, хмурятся, размахивают руками, кулаками, записными книжками. Кэт обходит толпу по краю, пока не находит лазейку, и просачивается туда, никем не замеченная, пока не оказывается в первом ряду. Сначала она не узнает его, того улыбочивого человека, который залился румянцем, когда она поняла, что он не умеет читать. Сейчас он раздет до пояса, его могучий торс блестит от пота и крови. Свет играет на его выпуклых, рельефных мышцах. Волосы прилипли к голове, кровь струится из царапины над левым глазом, рисуя яркую линию до самого подбородка. Но его противнику еще хуже. Он выше Джорджа, однако не такой крепкий. Руки длиннее и тоньше, мускулы вздуваются на них, как узлы на канате. У обоих разбиты костяшки пальцев и сочится кровь.

Когда противник наносит удар, Джордж принимает его, шумно выдохнув, но даже не покачнувшись. Он движется плавно, по-кошачьи, втягивает голову в плечи, словно птица. В нем есть грация, которой трудно ожидать от мужчины его телосложения. Кэт наблюдает за ним, не в силах оторвать глаз. Она никогда еще не видела человека, в котором было бы столько жизни. Она дышит глубоко, ощущая на губах соль от пота, слышит глухой удар – когда костяшки пальцев входят в податливую плоть противника – и общий стон сострадающей толпы. Кэт наваливается на канаты импровизированного ринга, крепко вцепляется руками в грубую пеньку и ободряюще кричит. Какой он необыкновенный, ни на кого не похожий, какой удивительно настоящий по сравнению с толстыми лондонскими полицейскими, с херувимоподобным викарием и с ней самой, исхудавшей до прозрачности.

Еще удар, и у Джорджа из носа, из одной ноздри, течет кровь. Голова запрокидывается набок, и видно, как летят брызги пота. Он резко дергает плечом, на руках вздуваются вены. Уродливые пунцовые синяки расцветают на ребрах. Однако лицо его спокойно и решительно. Кэт видит: он знает, что делает, что сделает в следующую минуту, что, без сомнения, делал раньше, – должно быть, он не замечает сейчас ни напряжения, ни усталости, ни боли. Лицо его противника искажено гримасой усилия и злости. Джордж выжидает. Он намерен использовать злость противника против него самого. Заставляет его распалиться и рваться в бой, чтобы довести дело до конца. Позволяет нанести несколько сильных ударов, позволяет увидеть дорогу к победе, заставляя сгорать от нетерпения, заставляя проявить беспечность. Джордж выжидает, он покачивается, он парирует удар, направленный в правый глаз, – как раз вовремя, позволяя противнику вскользь задеть лицо, чтобы тот думал, будто в следую-

ший раз он уже не будет так быстр. Это действует. Второй боец напирает, забывает о защите, размахивается для последнего, как ему кажется, удара. Джорджу требуется доля секунды, чтобы развернуть корпус, скрутить тело для выпада. Когда он бьет, его руки движутся так быстро, что трудно уследить глазом: апперкот врезается в подбородок высокому противнику с такой силой, что у того запрокидывается голова. Он падает, оглушенный, и лежит, приподнявшись на локтях, не понимая, что случилось.

Джордж остается в стойке, однако противник медленно опускается на спину и теряет сознание. Снова поднимается рев, оглушительный, сбивающий с мысли, и, не сознавая того, Кэт добавляет свой голос к этому хору, триумфальному воплю, знаменующему победу Джорджа. Деньги переходят из рук в руки, мужчины покачивают головами, Джорджу протягивают кружку пива, хлопают по спине, кто-то набрасывает ему на плечи одеяло, которое он в тот же миг сбрасывает, вместо того принимая от кого-то стул, чтобы сесть, и несвежий кусок муслина, чтобы утереть лицо. Кэт пробивается к нему, решительно настроенная, с широко раскрытыми глазами.

– А я-то, когда тебя увидела, подумала, ты добрый, – говорит она, не здороваясь.

Джордж мгновение смотрит на нее, хмурясь, а потом улыбается, узнавая.

– Кэт Морли, которая хорошо говорит, а ругается еще лучше, – произносит он, вытирая рот тыльной стороной ладони. Хотя он устал и весь в синяках, в глазах у него блеск, и Кэт его узнает. Это тот самый блеск, который заставил ее украдкой выбраться из дома викария среди ночи. – Не ожидал увидеть тебя здесь.

– Похоже, в этом городке развлечения те еще, – замечает она, криво усмехаясь.

– Это точно. Хотя я-то думал, ты сидишь по вечерам дома, молишься с викарием и его женой.

– Ты что, расспрашивал обо мне? – с нажимом говорит Кэт.

– Может, и так, а что? В конце концов, ты сама пришла и нашла меня. – Джордж улыбается.

– Это точно. – Кэт повторяет его слова. Она улыбается, сверкнув мелкими белыми зубами. – Ты всегда побеждаешь?

– Не всегда. Но часто. Здесь очень немногие станут ставить на мое поражение, однако раз в несколько недель находится какой-нибудь парень, которому кажется, будто он может меня побить. – Джордж указывает на проигравшего бойца, который до сих пор лежит там, где упал, всеми, судя по всему, позабытый.

– Неужели никто о нем не позаботится?

– Его компания где-то здесь. Они его подберут, если сами еще держатся на ногах, – заверяет ее Джордж.

– А почему ты почти всегда побеждаешь? У этого парня руки длиннее, чем у тебя, и ростом он выше. А ты легко его победил.

– Не так чтобы легко. – Джордж промокает рану на лбу, и муслиновая тряпка покрывается красными пятнами. – Понимаешь, он, похоже, не знает, что победу приносит не сильный удар, а умение сносить сильные удары.

– Значит, ты умеешь сносить сильные удары?

– Отец научил. Он тренировал меня с детства, – говорит Джордж, все еще улыбаясь, однако блеск в его глазах меркнет.

– Мой отец всегда был ко мне добр, только иногда это даже хуже, – говорит Кэт, скрепящая руки на груди.

– Я кое-что слышал о твоём отце, – признается Джордж.

– Что бы ты ни слышал, это вранье, точно знаю. – Она стоит перед ним, лишь немного выше его сидящего. – Так как, угостишь меня с выигрыша или нет?

– Угощу, Кэт Морли. Обязательно, – говорит Джордж.

– Можешь надеть рубашку, – предлагает она лукаво.

Бой окончен, и бар начинает пустеть. Мужчины спешат по домам, к своим не ведающим, что такое прощение, женам. Кэт с Джорджем идут по мосту. Ночь непроницаемо-черная, и Кэт невидящим взором глядит на бечевник, к которому они приближаются, – она вдруг с отвращением рисует себе, как пойдет по нему, вернется в свою тесную комнатку на чердаке, где слышно храп миссис Белл.

– Давай я тебя провожу. Ты что, не берешь с собой фонарик? – спрашивает Джордж, приняв ее нежелание возвращаться за страх перед темнотой.

– Не нужно, я дойду сама. Тут не заблудишься, – отвечает Кэт.

Они останавливаются, поворачиваются друг к другу, их лица белеют в темноте.

– Неужели не боишься, Кэт? – спрашивает он с удивлением.

– Чего – не боюсь?

– Гулять со мной, когда ты едва меня знаешь. Того, что тебя увидят со мной.

– Сомневаюсь, чтобы ты хотел меня обидеть, а если я ошиблась, значит сама виновата.

А что до того, увидят ли меня с тобой, – если ты расспрашивал обо мне, тебе наверняка рассказали, что я преступница, а может, даже убийца. Я кое-что сама уже слышала. Моей репутации ничто не повредит. Так что это тебя надо спросить: не боишься ли ты, что тебя увидят со мной? – Она лукаво улыбается.

Джордж негромко смеется, и ей нравится его смех. Низкий, звучный.

– Обижать я тебя не собирался, тут ты права. А что касается всего остального, то я не особенно верил слухам, пока ты сегодня не явилась на бой. В общем, по-моему, девушка, которая смогла прийти сюда одна, видимо, способна сделать что-то такое, о чем болтают!

– Я сделала... Кое-что сделала. За что и попала в тюрьму, это правда. Но то, что сделали со мной и другими, такими как я, было гораздо хуже нашего преступления, если то было преступление. И после всего этого я поняла, что не боюсь. Ни сплетен, ни слухов, ни мерзких стерж, которые их распускают, – сердито говорит Кэт. – А теперь спроси меня, что я сделала и что было потом, – вздыхает она. Подобные вопросы как будто преследуют ее, висят на шее мертвым грузом.

– Не буду. Если ты сама хочешь рассказать, я послушаю, но, вообще-то, это не мое дело, – поспешно отвечает Джордж. Кэт снова смотрит на дорогу, проглоченную ночной темнотой. Стало прохладно, и она ежится. – Я тебя провожу. Не до самой двери, если не хочешь, чтобы нас увидели. Не сомневаюсь, что при желании ты можешь двигаться беззвучно, как призрак, – говорит Джордж.

– Как Черная Кошка, так меня звали в Лондоне. Именно по этой причине. – Она улыбается. – До деревни две мили, значит, тебе идти четыре, а ты дрался. Оставайся-ка на своей барже, отдыхай. Ты вовсе не обязан быть джентльменом, – возражает она.

Джордж откашливается и складывает руки на груди, подражая ей.

– Я пройду эти четыре мили, чтобы поболтать с тобой, Кэт Морли. Как тебе такая причина?

Кэт мгновение смотрит на него и хочет отказаться. Но потом уступает:

– Ладно, идем.

В небе висит маленькая луна, похожая на фартинг, и льет слабый свет на бечевник. В некоторых местах над дорожкой нависают ветки, и там она сужается, стиснутая зарослями болотного ириса и кипрея. Джордж говорит, что пойдет первым. Он здоровенный и цепляет за все ветки, которые хлещут со свистом, заставляя Кэт увертываться. Джордж ворчит и ругается себе под нос.

– Может, я пойду впереди? Я хорошо вижу, – говорит Кэт.

Джордж останавливается на открытом месте, залитом лунным светом, и оборачивается к ней.

– Что, правда как кошка? – спрашивает он. В лишенной красок ночи он сам весь черный и серый, глаза как пустые провалы, выражения лица не понять. На миг он кажется и не человеком вовсе, а неизвестным существом, из камня и теней, а не из плоти. Но в следующий миг он протягивает руку и берет Кэт за подбородок, и рука у него сухая и теплая. – В таком свете ты как египтянка, – произносит он тихо.

– Мама как-то рассказывала, что ее бабушка была испанкой. Она была смуглая, как мы с мамой; все говорили, что я на нее похожа.

Его прикосновение вызывает в ней странные чувства, тревожные: похоже на вторжение, однако она ничего не имеет против. Кэт тянется к руке Джорджа, берет в свою, и даже в темноте она видит, как внимательно он смотрит на нее, какое восхищение написано на его лице.

Когда Кэт возвращается в свою комнату, в доме стоит такая тишина, что ей кажется, будто все нарочно затаились, потому что знают, где она была. Кажется, весь дом замер, напрягся, готов сомкнуться, словно стальной капкан. Даже храпа миссис Белл не слышно. Кэт сбрасывает с себя одежду, вешает у раскрытого окна, чтобы проветрить, избавиться от предательского запаха пива и табака. Потом она неподвижно лежит на кровати, и, хотя сердце ее бьется, она чувствует, что готова драться, вскочить и молотить кулаками, если потребуется. Если они протянут к ней свои лапы, чтобы схватить. Она больше не позволит им. Но это не настоящий страх, а лишь воспоминания о страхе, отчасти вызванные выпитым пивом и накопившимся недосыпом. Она понемногу успокаивается, закрывает глаза, думая, вдруг Джордж так и стоит на лугу, где она оставила его, и ждет, повернув свое избитое, покрытое синяками лицо к чердачным окнам в надежде, что она выглянет и помашет ему? Эта мысль убаюкивает ее, дыхание постепенно становится медленным, глубоким, и Кэт засыпает.

Утром Эстер, голодная до спазмов в пустом желудке, нетерпеливо дожидается, когда Альберт вернется с ранней прогулки, чтобы позавтракать. Она откладывает книгу, которую читала, и переходит в столовую, где уже накрыт стол на двоих. Чистые тарелки блестят, приборы лежат безукоризненно ровно. В тишине комнаты слышно, как громко урчит в животе. Обычно Альберт так не задерживается. «Сколько же времени можно тратить на общение с природой?» – недоумевает она немного раздраженно, потому что голодна.

Вдруг Эстер слышит позвякивание велосипеда и с неподобающей замужней женщине быстротой вскакивает с места, чтобы его встретить. Передняя дверь приоткрыта, Кэт натирает медный поднос для почты кусочком мягкой кожи. Викарий врывается в дверь с такой поспешностью, что налетает на Кэт и хватается за ее плечи, чтобы не потерять равновесия.

– Вот что я скажу: это просто невероятно! – выкрикивает он, как будто продолжая спор, который они вели все утро.

К удивлению Эстер, Кэт испускает протестующий крик и силится высвободиться из рук Альберта, пятится назад, пока не наткнется на стену, и сердито сверкает на него глазами. Альберт моргает и смотрит на нее так, будто перед ним змея.

– Кэт, ну что ты, детка! Успокойся! – восклицает Эстер, пораженная бурной реакцией девушки на его прикосновение. Прикосновение человека, посвященного в духовный сан. – Это же мистер Кэннинг! Необязательно так... отбиваться, – выговаривает она смущенно.

Кэт успокаивается и смотрит на Эстер странным, отсутствующим взглядом. Эстер видит, что она будто закрывается им, как маской, которая прячет истинное лицо, истинные мысли девушки, ее сущность. Эстер немного отступает под этим взглядом.

– Прошу прощения, мадам. Я просто испугалась, – ровным тоном произносит Кэт.

– Подавайте завтрак. Спасибо, Кэт, – говорит Эстер натянуто, поторапливая девушку жестом, будто прогоняя птицу.

– Завтрак! О нет, я не смогу проглотить ни кусочка! Ах, Эстер! Я пережил нечто удивительное! Самое чудесное, что только может случиться! – восклицает Альберт, снова бросаясь вперед, беря ее за руки и крепко их сжимая. Его лицо покраснело от удовольствия, глаза блестят от волнения, даже волосы будто взволнованы и торчат во все стороны.

– В чем дело, милый? Что случилось? – спрашивает она проницательным тревожным голосом.

– Я... я не знаю даже, с чего начать... как объяснить... – Взгляд Альберта скользит мимо нее, устремляется куда-то вдаль. – Слова вдруг кажутся... неподходящими, – говорит он тихо.

Эстер выжидает минуту, потом пожимает его пальцы, чтобы он очнулся.

– Поди присядь, дорогой Берти, и расскажи мне все.

Альберт позволяет увлечь себя в столовую и усадить в кресло, и в этот миг входит Кэт с первым подносом: яйца, котлетки, корзинка с хлебом. Эстер садится на свое место напротив Альберта, кладет себе кусочек хлеба и, стараясь не слишком торопиться, принимается намазывать его маслом.

– Я вся внимание, дорогой мой, – говорит она, потому что Альберт молчит.

Он смотрит, как она начинает есть, затем снова срывается с кресла и несется к окну. Озадаченная, Эстер медленно жует.

– Я гулял в лугах выше по течению реки – один из моих обычных маршрутов. К востоку отсюда есть место – не знаю, видела ли ты его когда-нибудь, – река там мелкая и затененная ивами и зарослями бузины, а камыши в некоторых местах почти с меня ростом, и повсюду рассыпаны полевые цветы, словно ковер из драгоценных камней... Земля там понижается, получается широкая неглубокая впадина, где во время дождей стоит вязкая лужа, но сейчас, летом, там растут великолепные луговые травы, хвощ, лютики, норичник... Туман в этой низине держится как будто дольше обычного. Я наблюдал, как воздух проясняется над низиной, туман медленно поднимается и золотится, тронутый лучами солнца, я видел... видел...

– Что, Альберт? – спрашивает Эстер, встревоженная тем, как говорит муж.

Альберт разворачивается к ней, широко улыбаясь.

– Духи, Эстер! Это были духи природы! Те самые элементали, которых Господь посылает присматривать за животными и цветами, исполнять все бесчисленные работы в своем природном мире! Я видел, как они играют, так же ясно, как вижу тебя! – восклицает Альберт хриплым от волнения голосом.

Кэт замирает, ставя на стол кофейник, со скептическим видом переводит взгляд с Альберта на Эстер и обратно.

– Спасибо, Кэт, – многозначительно произносит Эстер. – Альберт, это же... просто поразительно! Ты уверен?

– Уверен ли я? Конечно уверен! Я видел их собственными глазами, совершенно отчетливо! Изысканные, как орхидеи... Все они...

– Как они выглядели, Альберт? Чем занимались?

– Они были такого же цвета, как лепестки дикой розы: белые, если не присматриваться, однако если присмотреться – с золотистым, розовым и серебристо-жемчужным отливом; все были стройные, словно ветки ивы, одетые в платья... Я не знаю, что это за ткань. Светлая, она струилась вокруг них, как будто была не тяжелее воздуха, и они танцевали, Эстер! Танцевали медленно и грациозно, как колышутся под водой водоросли, легко, плавно, их руки сначала вздымались, потом опускались... О Эстер, по-моему, я стал свидетелем чуда!

Видимо, Господь благословил меня возможностью на миг увидеть то, что обычно скрыто от людей!

– Альберт... это поразительно. Я хочу сказать... – Эстер запинаясь. Альберт сияет, глядя на нее, словно опьяненный увиденным. Она хмурится при этой мысли, смотрит на него внимательнее, невольно слегка подается к нему и как можно незаметнее втягивает носом воздух. Однако запаха ни бренди, ни вина не чувствует, ничего подобного. Эстер неуверенно улыбается. – Совершенно... неслыханно, – произносит она смущенно. – И ты действительно веришь, что эти существа...

– Нет-нет, не называй их существами, дорогая! Они не из того же теста, что кролики или птицы... Это творения Божьи, священные сущности, которые стоят на лестнице творения гораздо выше нас. По сравнению с ними мы просто неуклюжие глиняные болваны! – заключает он торжествующе.

Эстер не знает, что еще сказать. Альберт полон страсти – она с трудом его узнает.

– Разве ты не понимаешь, что это значит? – вопрошает Альберт, разворачиваясь к Эстер и, кажется, вдруг замечая ее недоверие.

Эстер улыбается как можно шире, с живостью распахивает глаза, чтобы показать – она готова выслушать, готова принять все, что он скажет. Однако ее безмолвное ожидание как будто разочаровывает Альберта, плечи его опускаются, лицо меркнет. Наступает долгая пауза, Эстер перебирает столовые приборы, не решаясь отрезать кусочек котлетки, боясь этим жестом разрушить его впечатления.

– Я немедленно должен написать Дюррану, теософу, – заявляет Альберт, снова откидываясь в кресле.

Кэт возвращается в кухню и с грохотом опускает на стол пустой поднос.

– Викарий видел эльфов, – сообщает она учтивым тоном.

Миссис Белл поднимает голову от хлебной печи, потная и красная.

– И что с того? – спрашивает она.

Кэт недоуменно разводит руками.

2011 год

Лия отправилась встретиться с лучшей подругой Сэм в кафе недалеко от своей работы. Она выбрала столик в дальнем углу, подальше от окна, и села ждать. Был вторник, середина серого мартовского утра. Прошла неделя после возвращения Лии из Бельгии, но она так и не оправилась от потрясения, и, как ни странно, ее до сих пор мутило и от свидания с Райаном, и от воспоминания о погибшем солдате. Оба вселяли беспокойство, напоминали об обещании, ей было страшно. Лия заказала кофе и выпила его обжигающе-горячим, как только принесли. Кофе немного успокоил ее, а спустя миг влетела Сэм: как обычно, сплошной вихрь – мелькающие коленки и локти; при виде Лии тут же затрясла головой, извиняясь:

– Прости, опоздала! Не могла вырваться; Абигейл всю неделю ведет себя как образцовая стерва и всюду сует свой нос... все знают, в чем дело, но сказать нельзя. Она делает вид, будто все из-за того, что она увидела предварительные цифры за этот квартал, а они неважные. Прости-прости! – выпалила она, задышавшись, целуя Лию в щеку и стискивая ее в быстром объятии.

– Перестань извиняться! – сказала Лия. – Ничего другого я не ожидала. И ты знаешь, что я никогда не раздражаюсь, если приходится ждать. – Они с Сэм знакомы с первого класса, и Сэм ни разу не пришла в назначенное время.

– Так что же это за важное заявление? Умираю от нетерпения, хочу услышать, – сказала Сэм, запрокинув за ухо блестящую прядь волос и переплетая пальцы. Выражение ее лица было открытым, однако взгляд бегал по лицу Лии, ни на чем не останавливаясь, вечно рассеянный.

– Наверное, я преувеличила. Да, конечно. Никакое это не важное заявление, – сказала Лия, делая глубокий вдох. Когда она принимала свое решение, оно казалось ей куда более значительным. Давно она не воодушевлялась по-настоящему, так, чтобы все внутри кипело, чтобы хотелось работать и писать. А теперь, когда она заговорила об этом вслух, слова ее звучали как-то жалко. – Я уеду ненадолго. На пару недель. Собираюсь расследовать одну старую историю. – Она увидела разочарование на лице Сэм и виновато улыбнулась. – Понимаю, я сильно преувеличила.

– Нет! Я просто... Просто я подумала, что речь пойдет о чем-то другом. Подумала, что ты, может, познакомилась... с кем-нибудь, – проговорила Сэм и тут же замахала руками, увидев, как вытянулось у Лии лицо. – Забудь, что я сказала. Нет, я, конечно, считаю, что это важная новость. Тебе это пойдет на пользу. Видит бог, хватит тебе отсиживаться. А что за история?

– Э-э-э... Я хочу выяснить личность одного солдата Первой мировой войны. Его нашли в Бельгии. Только дело не только в нем. Я чувствую.

– Не в солдате? – уточнила озадаченная Сэм.

– Важно не только узнать, кто он такой, что делал во время войны, но и как он жил до войны. При нем нашли два письма, которые сохранились, что само по себе поразительно. Это очень странные письма. Может, лучше сама прочтешь? – предложила она, выуживая из сумочки помятые листы.

Лия много раз их читала и перечитывала с тех пор, как ушла, оставив Райана лежать в темноте его убогой гостиницы, на простынях, пахнувших ее телом. В письмах было что-то удивительно живое – Лия буквально ощущала страх и отчаяние женщины, исходившие, подобно аромату, от страниц с ее изящным почерком, ее смятение, ее разочарование. Кроме того, Лию озадачивал непонятный тон писем: у этих двоих в прошлом было что-то странное, что-то печальное. Скорее всего, преступление, соучастницей которого чувствовала себя женщина, судя по ее недомолвкам. Тем не менее она писала так, будто они были мало знакомы. Не так, как пишут близкому другу или члену семьи, не так, как пишут соучастники. А

умоляющий тон, каким она просила объяснений... Лию бросало в дрожь каждый раз, когда она бралась за письма. И почему солдат сохранил именно эти два письма, если их было больше? Она старалась найти в ее словах что-то, что бы их объединяло, но не смогла. Повидимому, и в других письмах было то же самое.

– Должно быть, ты слишком часто их читаешь, – заметила Сэм, когда Лия вкратце высказала свои сомнения. – Причина может быть в том, что он потерял остальные письма, или же они случайно сгорели, или он так их и не получил, – сказала она. – Кто знает?

– Верно. – Лия нахмурилась. – Хотя не уверена. Он так бережно относился к этим письмам. Так старательно запечатал коробку, хранил при себе даже в бою. Сомневаюсь, что он мог случайно потерять или уничтожить остальные.

– Кстати, куда, ты говоришь, ездила за ними? – спросила Сэм.

Лия поболтала в чашке кофейную гущу, делая вид, будто не слышит вопроса.

– Как ты думаешь, из этого получится статья? – сказала она, вместо ответа.

– Разумеется! При условии, если тебе удастся выяснить, какое преступление было совершено и кто такой этот парень, что за женщина... Разумеется, это будет отличная статья. Как ты нашла эту тему, Лия?

– На прошлой неделе я ездила в Бельгию, поэтому меня и не было в городе. Кое-кто из Комиссии по воинским захоронениям подкинул идею, они еще немного подержат тело у себя. Они надеются, что я успею установить его личность до похорон, – сказала она как можно непринужденнее.

– Из Комиссии по воинским захоронениям? Это не Райан ли? Лия, неужели ты ездила, чтобы увидеться с Райаном? – спросила Сэм серьезно. Она сверлила Лию строгим взглядом, не позволяя уклониться от ответа.

– Не чтобы увидеться! Не для этого! Он действительно связался со мной по поводу этого солдата, и они действительно хотят выяснить, кто он такой. – Лия старалась говорить искренне.

Сэм сидела, скрестив руки на груди и плотно сжав губы.

– Скажи мне, что ты не переспала с ним. Скажи хотя бы это, – произнесла она, и, когда Лия не ответила и даже не подняла на нее глаз, Сэм пришла в смятение. – Боже, Лия! О чем ты думала?!

– Я не думала, – ответила Лия, теребя в руках бумажную салфетку, пока та не порвалась. – Я вообще не думала. По-моему, я не в состоянии думать, когда дело касается его. У меня просто... сносит крышу. Я как мобильник, который положили рядом с микроволновкой! – сказала она с тихим отчаянием.

– По-моему, именно по этой причине мы решили, что тебе нужно держаться от него подальше. Хотя бы год или два. Лия, каждый раз, когда ты видишься с ним, часть успеха от лечения теряется! Посмотри на себя, у тебя опять измученный вид!

– Спасибо. Ты не сказала мне ничего нового.

– Тогда зачем я вообще все время это говорю? Лия, я серьезно. Райан – закрытый район. Сколько он уже всего испортил! Я даже... Вот сколько! – Она широко развела руки в стороны.

– Все не так просто. Ты относишься к нему как-то по-детски, – пробормотала Лия.

– Ничего не по-детски. Я знаю, как это трудно; ты знаешь, что я знаю. И я была рядом, чтобы помочь тебе собрать осколки, ведь была? Я просто... не хочу делать это еще раз.

– Я в порядке. Честное слово. Теперь у меня есть тема, над которой надо работать...

– Ты собираешься работать над этой темой с Райаном? Будешь с ним на связи? – перебила Сэм.

– Нет. Нет, что ты! Я уехала, даже не попрощавшись. Я послала ему электронное письмо, сказала, что постараюсь сделать все возможное, но и только. Даже никаких отчетов

о ходе работы. Либо я в ближайшие недели что-то узнаю, либо нет. И обо всем, что узнаю, сообщу по электронке. Мне нет необходимости снова с ним встречаться.

– Ладно, надеюсь, тебе удастся убедить саму себя, потому что меня ты несколько не убедила.

– Сэм, перестань. Я позвала тебя, чтобы рассказать о расследовании, честное слово. Оно уже стало для меня важнее, чем... важнее того, что случилось в Бельгии. Не надо меня наказывать за то, что я с ним увиделась. И переспала. Я и так наказана. Ладно?

– Ладно-ладно! Хватит об этом. Так ты, значит, едешь... Куда ты едешь? В какую дыру?

– Коулд-Эшхоулт.

– Звучит пасторально⁶.

– Угу. Это где-то в Беркшире. Не на краю света, конечно, но хоть уеду из Лондона. Сменю обстановку, так сказать. Займусь новым проектом, – сказала Лия.

– Как он поживает? Как у него дела? – спросила Сэм. Любопытство одержало верх.

– По-прежнему. В отличной форме. Просто-таки великолепно. – Лия с несчастным видом пожала плечами.

– С чего собираешься начать? Я имею в виду расследование.

– С дома викария, наверное. В письмах нет дат, но второе она написала, когда узнала, что он уехал на фронт; значит, это между тысяча девятьсот четырнадцатым и восемнадцатым годом; а первое – за три или четыре года до того. Мне нужно установить, кто жил там в это время, были ли в доме молодые люди призывного возраста и... Это все, что есть. – Она пожала плечами. – Комиссия по воинским захоронениям уже установила, что никто из живших там не был военнообязанным, однако кто-нибудь может знать еще что-то.

Если бы у нее была возможность встать и уехать немедленно, она так и сделала бы. После этого разговора ей отчаянно захотелось заняться делом, выяснить, чего так боялась писавшая письма женщина, чего она не могла понять. Лии вдруг пришло в голову, что мучительное отчаяние, чувствуемое в словах той женщины, – очень похоже на то, что чувствует сейчас и она. Если Лия не в состоянии решить свои проблемы с Райаном, возможно, ей удастся решить проблему Э. Кэннинг? Ей невыносимо захотелось оказаться где-нибудь там, где нет воспоминаний о Райане и о том, что они были вместе, где вообще никто не знает о Райане. Он облепил ее как паутина, и ей хотелось поскорее ее с себя сбросить.

Лия по-прежнему жила неподалеку от Клэм-Коммона⁷, в квартире, которую они когда-то делили с Райаном. Они прожили там четыре года, съехавшись через два месяца после знакомства. Ни в ком раньше она не была так уверена и обычно не поддавалась сиюминутным желаниям. Она всегда относилась к любви скептически – как Лия говорила о себе, – и вот она встретила мужчину, одно присутствие которого заставляло ее чувствовать себя по-настоящему живой. Ему не требовалось даже касаться ее. Лия с усмешкой говорила друзьям, что наконец-то поняла, о чем поется в популярных песнях, и она не шутила. Ей казалось, у нее открылись глаза – или же сердце. Как будто бы с ней поделились огромной и чудесной тайной. Она всю жизнь была самой настоящей недотрогой, и внутренний голос еще долго выдавал ей суровые народные мудрости: не заносись высоко, чтоб не пасть глубоко; от любви до ненависти один шаг.

Она не захотела съезжать с квартиры, которая ей нравилась и где она прожила два года до знакомства с Райаном. Она решила, что просто будет жить здесь одна. Это снова стала ее квартира, а не их, вот и все. Только это была неправда. Квартира помнила его, хранила память о его присутствии, о его прикосновениях. Несколько недель после его ухода Лия чувствовала его запах, и этот запах сводил ее с ума, пока она наконец не догадалась, что

⁶ Название деревни можно перевести как «прохладная ясеневая роща».

⁷ Клэм-Коммон – парк в Лондоне и станция метро.

он исходит от занавесок в спальне, где он каждое утро брызгался своим дезодорантом. Она тут же сняла занавески, но минут двадцать посидела на корточках перед открытой дверцей стиральной машины, прижимая к лицу пыльную ткань.

Расцеловавшись с Сэм на прощание, Лия вернулась домой, уложила небольшой чемодан, бросила его на заднее сиденье и вскоре влилась в очередь автомобилей, выезжавших на шоссе М4. Целый час ушел на то, чтобы доползти до въезда, а когда она наконец выбралась из пробки, то по непонятной причине почему-то почувствовала разочарование. Ее грандиозный проект, ее миссия показались нелепыми в маленькой Англии. Спутниковый навигатор велел съехать с главного шоссе на узкую извилистую дорогу между высокими кустами живых изгородей, все еще грязно-коричневыми после зимы. Прошел дождь, и машина подпрыгивала на ухабах, заполненных водой, вжималась в их грязные стенки и трижды резко останавливалась, чтобы пропустить громадные внедорожники, проплывавшие мимо. Когда навигатор сообщил о прибытии на место назначения, машина находилась на перекрестке, за которым зеленел небольшой треугольный луг, а по бокам от него тянулись узкие улицы с симпатичными скрюченными домишками. Посреди луга рос огромный конский каштан, на одном углу стоял почтовый ящик, на другом – телефонная будка, но никаких признаков жизни не наблюдалось. За крышами дальних домов Лия увидела церковный шпиль на фоне крапчатого неба, и ее охватило волнение. Если погибший солдат дружил с обитателями дома викария, он почти наверняка посещал службы в этой самой церкви. Лия выключила двигатель и направилась к церкви. Стояла абсолютная тишина, и она шла едва ли не на цыпочках, не желая ее нарушить. Легкий сырой ветер колыхал голый каштан, стучал узловатыми ветками друг о друга.

Церковный двор пестрел подснежниками, ранними нарциссами и мелкими сиреневыми крокусами. Под каменными надгробиями покоились деревенские мертвецы; поближе к церковной стене надгробия были старые, выщербленные, поросшие мхом и лишайниками, подальше в поле – все более новые, и в самом конце – совсем свежие, буквы на мраморе были острые как бритва, отчетливо виднелись разрезы в дерне. Почему-то смотреть на надгробия Лии было неловко. Все равно что поймать на себе чей-то чужой взгляд в общественной раздевалке – пусть мимолетное, но все равно вторжение в личное пространство. Церковь из серого камня и мелкозернистого песчаника, судя по виду, была построена в Викторианскую эпоху. На верхушке скромного шпиля застыл потертый железный петушок, неподвижный, несмотря на ветер. Дверь была наглухо заперта. Объявления о церковных мероприятиях, написанные на листках пастельных тонов, загибались и трепетали, накрепко пришипленные к дереву ржавыми кнопками. Лия повернула облупленную металлическую ручку, для уверенности с силой нажала и вздрогнула, когда у нее за спиной раздался чей-то голос.

– Ничего не получится, милочка. Теперь здесь бывает открыто только по выходным, – сообщил ей мужчина с седыми волосами и тяжелым брюхом, выпирающим из-под древней куртки.

У Лии перехватило дыхание.

– А, о'кей. Поняла. Спасибо, – сказала она, вытирая руки о джинсы.

– У миссис Бьюканан есть ключ, она живет в четвертом доме от пустыря, но в это время она – совершенно точно – ушла на свою йогу, – продолжал мужчина.

– О, ничего страшного. Спасибо.

Лия коротко улыбнулась в ожидании, что он пойдет дальше своей дорогой. Мужчина улыбнулся в ответ, но не ушел. Лия надеялась еще немного побродить по кладбищу, может, даже отыскать надгробие с фамилией Кэннинг, датированное подходящим временем, однако собеседник не выказывал желания идти по своим делам.

– Не подскажете мне, как найти дом викария? – спросила она, подавляя раздражение.

– С радостью, с радостью, – отозвался мужчина. – Повернете отсюда налево, пройдетесь минуточку, пока не окажетесь у школьной площадки. А там снова налево. Дорога новая, там тупик и стоит много домов. Дом викария под вторым номером, почти на самом повороте. Мимо не пройдетесь... – Говоря все это, он шел за ней по дорожке, и на мгновение Лии показалось, что он так и будет тащиться за ней всю дорогу, однако у церковных ворот мужчина остановился.

– Спасибо! – сказала Лия, удаляясь уверенным шагом.

«Боже, – думала она, – где вы, грубые, не приветливые и ненавязчивые жители Лондона?» Мужчина оперся руками на столбик ворот и смотрел ей вслед.

Дом номер два оказался маленьким, кирпичным, похожим на квадратную коробку, с мощеной подъездной дорогой и очень аккуратным небольшим газоном. Ранние анютины глазки кивали своими фиолетовыми и желтыми головками из одинаковых горшков под кухонным окном. Черная грифельная дощечка у двери сообщала, что это дом викария, и Лия позвонила, внезапно растеряв всю свою уверенность.

– Чем могу помочь?

Ее приветствовала тоненькая женщина средних лет, которая улыбалась как-то затравленно, как будто в любую минуту ожидала обиды. Кисейная барышня, подумала Лия немного недобро. Барышня казалась на вид нежной и совершенно бесполезной.

– Прошу прощения, кажется, я перепутала адрес, – сказала Лия. Кисейная барышня быстро заморгала, плотнее запахивая синий кардиган. – Я искала дом викария, прежний дом, который был здесь лет сто назад, – пояснила она.

– А-а-а, старый дом. Да, боюсь, вы пришли не туда. Он на другом конце деревни, но это всего пять минут ходьбы. Идите по той улице, где стоит дорожный указатель на Тэтчем, вы увидите его по правой стороне, – разъяснила женщина и уже хотела закрыть дверь, но Лия быстро вскинула руку, останавливая ее.

– Прошу прощения, вы, случайно, не знаете, когда он перестал быть домом викария и превратился в старый дом викария? В смысле, когда церковь продала его? – спросила она.

Женщина посмотрела на руку Лии так, как будто та держала оружие.

– Прошу прощения, этого я не знаю. Скорее всего, в тридцатые годы. В то время много церковной собственности перешло в частные руки.

– Понятно, спасибо. Большое спасибо. – Лия отпустила дверь и вернулась на дорогу.

Отыскав старый дом викария, Лия постояла немного, переждав промелькнувшую мимо машину, обрызгавшую тротуар. Перед ней был чудесный старый дом – времен королевы Анны, подумала она, – квадратный, симметричный и наполовину разрушенный. Выщербленные красные кирпичи, раствор между ними давно посыпался. Сад перед домом зарос травой, хотя, судя по прошлогодним гераням, мертвым и обципантым, которые торчали из каменных желобов у входной двери, кто-то здесь до сих пор жил и что-то делал. Лия не заметила на подъездной дорожке никаких машин, в окнах не горел свет, хотя день был пасмурный и становился все мрачнее. Она несколько минут простояла, наблюдая за домом, в надежде заметить какое-нибудь движение. Значит, это и есть тот самый дом, где были написаны письма, которые она столь внимательно изучала в последнее время. Сердце чуть дрогнуло при этой мысли. Она как будто подглядывала в чью-то жизнь через крохотную замочную скважину. Ощущая какое-то смутное волнение, Лия прошла по садовой дорожке и с силой стукнула потускневшим медным молотком. Она услышала эхо, раскатившееся по дому.

Дверь открыл – приоткрыл – молодежавый мужчина и угрюмо на нее уставился.

– В чем дело? – спросил он хмуро.

Лия успела отметить прищуренные серые глаза, короткие темные волосы, щетину на подбородке и немного удивленное лицо.

– Здравствуйте. Простите, что беспокою... – начала она, но ее тут же прервали.

– Что вам нужно? – резко перебил он.

В прихожей у него за спиной было темно. Лия старалась не заглядывать туда слишком уж откровенно. Ей вдруг отчаянно захотелось попасть в это жилище.

– Меня зовут Лия Хиксон, я занимаюсь одним расследованием...

– Расследованием? Что вы имеете в виду? – снова перебил хозяин.

Лия ощутила, как щеки у нее краснеют от раздражения.

– Я как раз собиралась объяснить. Я ищу одного человека, который...

– Вы журналистка? – спросил хозяин.

– Да, журналистка, – ответила Лия, ошеломленная.

– Какого хрена! – воскликнул мужчина, яростно протирая глаза свободной рукой.

Лия так растерялась, что ничего не могла сказать.

– Как вы меня нашли? Кто дал вам этот адрес? Вы что, не понимаете никаких намеков? Я ушел, слинял, ясно? Если бы я хотел говорить с кем-нибудь из вашей братии, стал бы я уезжать?

– Я... я не понимаю, о чем вы. Я...

– Да бросьте. За последние три месяца я выслушал от вас столько паршивых отговорок.

Покиньте мое крыльцо. Вы здесь одна или мне теперь ожидать целую толпу? – спросил он холодно.

– Нет-нет, я одна. И я...

– Ладно. Отлично. Забудьте дорогу сюда. – Он с яростью отчеканил каждое слово. Захлопнул дверь перед ее носом, и Лия простояла столбом секунд двадцать или даже больше, ошарашенная настолько, что не могла сдвинуться с места.

Наконец, kloкоча от негодования и чувствуя, как стучит в висках кровь, Лия снова стала стучать, громко и долго. Однако не открыл ни сероглазый хозяин, ни кто-нибудь еще, кто мог оказаться в доме, и из-за двери не доносилось ни звука. Начал моросить дождь, и Лии пришлось отступить. Она вернулась к машине, взяла блокнот и на первом чистом листе вывела с ироническими завитушками: «Местные недружелюбны». Потом она немного посидела, глядя на дождь, который барабанил по лобовому стеклу, стекая ручейками и образуя лужи. Райан любил дождь. Даже это напоминает о нем, а она живет в стране, которая славится своими дождями. Лия вспомнила мокрые волосы найденного солдата, как они лоснились, прилипнув к голове. Сколько же дождей выпало на него за ту сотню лет, пока он лежал, никем не найденный? Она представила себе, как дождь бьет по коже, которая уже ничего не чувствует, просачивается сквозь нее и тело больше не дрожит от холода. Лия решительно прервала поток этих мыслей. Еще не хватало, чтобы мертвец начал сниться.

Она выехала на главное шоссе, затем развернулась и поехала в Тэтчем по А4. Там нашла место для парковки и около часа бродила по улицам, решив, что не войдет ни в один местный паб. На главной торговой улице под названием Бродвей стояли бесконечные сетевые магазины и крошечные конторы банковских отделений. Люди непрерывно двигались куда-то под морозящим дождем, опустив голову и глаза в землю, покорно огибая грязные лужи. Картина была мрачная, такую можно увидеть только в маленьком городке в конце зимы. Лия нашла старый книжный магазин, где провела полчаса, подсыхая и глаза на полки. Она купила две книги по истории городка, а леди за кассой порекомендовала хороший паб, «Разводной мост», где сдавали номера с завтраком, – на полпути в Коулд-Эшхоулт, в конце тупичка рядом с каналом. Туда Лия и отправилась и сняла там комнату, в которой было не продохнуть от обитой ситцем мебели и туго набитых подушек. Зато там было тепло и сухо, а из окна открывался прекрасный вид на промокшие заливные луга, раскинувшиеся к востоку.

Вдалеке, за рядом тополей, похожих на веретёна, Лия разглядела, как ей показалось, шпиль церкви в Коулд-Эшхоулте. Она взяла с подноса чашку чая и уселась возле окна, погруженная в свои мысли.

В «Разводном мосте» было много завсегдатаев из местных, которые сидели компаниями у стойки бара или на скамьях за липкими деревянными столами; вновь пришедших приветствовали кивками, улыбками и растянутыми, мягко произнесенными фразами. В восемь Лия спустилась поужинать, и ее провели в обеденный зальчик в дальнем конце бара, холодный и до боли пустой. Она села за стол на двоих, развернувшись так, чтобы хотя бы видеть бар. От пустоты за спиной она поежилась. Лия заказала рыбу с картошкой и пожалела, что не прихватила с собой из номера книжку. На мгновение мелькала смутная мысль, не присоединиться ли к какой-нибудь компании, чтобы послушать здешние легенды, однако разговоры, которые вели посетители, все были личные, компании, казалось, состояли из близких друзей, и она постеснялась. К тому же в рыбе обнаружилось достаточное количество костей, и занятие нашлось.

Когда она подняла голову в следующий раз, то, вздрогнув, увидела, что уже не только она одна осталась без компании. Взгромоздившись на барный стул, сидел, неловко прижав к нему с боков колени, тот самый мужчина из старого дома викария. Хотя Лия видела его мельком и в полумраке прихожей, она не сомневалась, что это он. Мужчина не удосужился снять свой мешковатый, выцветший зеленый анорак и синюю шерстяную шапку, надвинутую на лоб. «Не отличишь от местных», – подумала Лия, однако, взглянув на его ноги, увидела коричневые кожаные ботинки с металлическими крючками для шнурков. Ботинки были слишком чистые, слишком дорогие. В Лии разгорелось любопытство. Она также заметила, что не только она одна смотрит на него, и услышала приглушенный шепоток в его адрес. Он упорно рассматривал поддон перед собой, с решительным видом приканчивая кружку горького пива.

Лия не смогла удержаться. Она быстро встала, когда он опустошил кружку, и преградила ему путь к двери.

– Здравствуйте еще раз, – сказала она бодро.

Мужчина бросил на нее испуганный взгляд и тут же узнал ее. Он попытался ее обойти, но она последовала за ним.

– Кажется, мы с вами не очень хорошо расстались, и я прошу прощения, если... потревожила вас. Меня зовут Лия Хиксон, как я уже говорила. А вас? – Она протянула ему руку.

Он насмешливо покосился на ее ладонь и не пожал.

– Вы, черт возьми, прекрасно знаете, кто я. А теперь прошу вас: уйдите с дороги и оставьте меня в покое. Неужели я требую слишком много, неужели я не могу пойти в бар вечером в пятницу и чтобы никто меня не преследовал?.. – заговорил он напряженно, понизив голос.

– Уверяю вас, я понятия не имею, кто вы такой, – перебила Лия. – И я вас не преследую. Я здесь сняла номер на несколько дней. Мне сказали, тут хорошо готовят.

– Да, конечно. Вы случайно остановились именно здесь. А дальше последует: «Вам предоставляется шанс изложить свою точку зрения»? Это я тоже уже слышал! – отрезал он.

На скулах у него вздулись желваки, и Лия вдруг поняла, что он измучен. Под глазами мешки, у рта залегли усталые морщины.

– Послушайте... Я не хочу вас мучить, но я действительно не знаю, кто вы. Видимо, вы не настолько знамениты, как вам кажется. Я журналистка, но работаю над темой из истории – о жизни одного солдата времен Первой мировой войны, и я приехала в Коулд-Эшхоулт, чтобы что-нибудь о нем узнать. Он имел какое-то отношение к дому викария, потому я и постучала в вашу дверь. Не знаю, что вы там сделали – или не сделали, – и боюсь, что мне это

совершенно неинтересно. Если только это не поможет мне что-нибудь разузнать о солдате, в чем я сомневаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.